

ГОСНИИР

**Художественное наследие.
Исследования. Реставрация.
Хранение.**

Art Heritage. Research. Storage. Conservation.

№1 (17) 2026

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ РЕСТАВРАЦИИ» (ФГБНИУ «ГОСНИИР»)

Художественное наследие.
Исследования. Реставрация. Хранение.
Art Heritage. Research. Storage. Conservation.

Международное сетевое рецензируемое научное издание

№1 (17) 2026

МОСКВА 2026

THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

THE STATE RESEARCH INSTITUTE FOR RESTORATION

Художественное наследие.
Исследования. Реставрация. Хранение.
Art Heritage. Research. Storage. Conservation.

An international peer-reviewed online scientific journal

№1 (17) 2026

MOSCOW 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Д. Б. Антонов

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

А. С. Макарова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**А. Н. Балаш, В. В. Баранов, С. И. Баранова, Г. И. Вздорнов, В. Г. Гагарин,
М. Ф. Дубровин, В. В. Игошев, С. С. Ипполитов, С. А. Кочкин, А. В. Кыласов,
Л. И. Лифшиц, Т. К. Мкртычев, А. В. Огороков, С. А. Писарева, И. Н. Проворова,
И. Г. Равич, Н. Л. Ребрикова, Н. В. Синявина, С. В. Филатов, Н. Е. Шафажинская,
О. В. Яхонт.**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

О. Г. Кирьянова

РЕДАКТОР:

Г. И. Герасимова

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

107014, г. Москва, ул. Гастелло, д. 44 стр. 1

e-mail: journal@gosniir.ru

Сайт: <http://www.journal-gosniir.ru/>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ. № ФС77-82901 ОТ 14.03.2022

ISSN 2782-5027

© ФГБНИУ «ГОСНИИР», 2026

© Авторы статей, 2026

EDITOR-IN-CHIEF:

Dmitriy B. Antonov

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Anastasia S. Makarova

EDITORIAL BOARD:

**A. N. Balash, V. V. Baranov, S. I. Baranova, G. I. Vzdornov, V. G. Gagarin, M. F. Dubrovin,
V. V. Igoshev, S. S. Ippolitov, S. A. Kochkin, A. V. Kylasov, L. I. Lifshic, T. K. Mkrttychev,
A. V. Okorokov, S. A. Pisareva, I. N. Provorova, I. G. Ravich, N. L. Rebrikova, N. V. Sinyavina,
S. V. Filatov, N. E. Shafazhinskaya, O. V. Yahont.**

EXECUTIVE SECRETARY:

O. G. Kiryanova

EDITOR:

G. I. Gerasimova

Quarterly journal

Address:

44-1, Gastello St., Moscow, Russia, 107014

e-mail: journal@gosniir.ru

Web-site: <http://www.journal-gosniir.ru/>

Mass media registration certificate EL. N° FS77-82901 from 14.03.2022

ISSN 2782-5027

СОДЕРЖАНИЕ

DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-7-23

Бахадова К. А.

Судьба предметов церковного искусства
в период оккупации Пскова (1941–1944 годы)

7

DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-24-41

Закревская Л. В., Репина Е. А., Кощев А. А.

Финно-угорское наследие
в славянской архитектуре Северо-Восточной Руси

24

DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-42-48

Кириянова О. Г.

Сохранение художественного наследия
в музеях Русской православной церкви

42

DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-49-61

Смоленчук Е. В., Хребтова Ю. В.

Гидрофильные свойства исторических текстильных материалов
из химических искусственных гидратцеллюлозных волокон
как основание для подбора реставрационных технологий

49

DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-62-73

Шуравина М. А.

Этика реставрации: границы дозволенного

62

CONTENTS

DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-7-23

Bakhadova K. A.

The fate of ecclesiastical art objects during the occupation of Pskov (1941–1944)

7

DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-24-41

Zakrevskaya L. V., Repina E. A., Koscheev A. A.

Finno-Ugric heritage in the Slavic architecture of North-Eastern Russia

24

DOI: DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-42-48

Kiryanova O. G.

Preservation of artistic heritage in the museums
of the Russian Orthodox Church

42

DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-49-61

Smolenchuk E. V., Khrebtova Yu. V.

Hydrophilic properties of historical textile materials
made from chemical artificial hydrated cellulose fibers
as a basis for selecting restoration technologies

49

DOI: 10.24412/2782-5027-2026-1-62-73

Shuravina M. A.

On the use of domestic nanodispersed cellulose in paper restoration

62

К. А. Бахадова

СУДЬБА ПРЕДМЕТОВ ЦЕРКОВНОГО ИСКУССТВА В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ПСКОВА (1941–1944 ГОДЫ)

Статья посвящена судьбе предметов церковного искусства на оккупированной территории Пскова в период с 1941 по 1944 г., а также послевоенному периоду возвращения перемещенных ценностей в СССР. Рассматривается деятельность Оперативного штаба рейхсфюрера Розенберга, а также других немецких подразделений, в чьи интересы входило перемещение ценностей с оккупированных территорий. Основное внимание уделяется деятельности сотрудников Псковского музея «Поганкины палаты» — Н. С. Благовещенской и В. С. Пономарева, а также иконописной мастерской при Управлении Псковской Православной миссии. По архивным материалам удастся установить спектр деятельности иконописной мастерской: указываются материалы, которые использовали сотрудники иконописной мастерской; какую продукцию выпускала мастерская; какая продукция пользовалась спросом в магазине при Управлении Псковской Православной миссии. Уделяется внимание взаимодействию членов Псковской Православной миссии и оккупационных властей в вопросах церковного искусства. Особое внимание уделяется процедуре эвакуации церковных ценностей из Пскова на каноническую территорию Прибалтийского экзархата, а также процедуре вывоза ценностей сотрудниками Оперативного штаба рейхсфюрера Розенберга. Архивные данные позволили установить перечень вывезенных икон, а также определить, из каких храмов Пскова были изъяты предметы церковного искусства. Стало возможным уточнение расшифровки немецкой маркировки икон, выполненной ранее сотрудниками Псковского музея-заповедника.

Ключевые слова: Оперативный штаб рейхсфюрера Розенберга, Псковская Православная миссия, церковные ценности, перемещенное искусство, музей «Поганкины палаты», иконописная мастерская при Управлении Псковской Православной миссии, псковские иконы, немецкая маркировка икон, оккупация Пскова (1941–1944 гг.), Великая Отечественная война.

K. A. Bakhadova

THE FATE OF ECCLESIASTICAL ART OBJECTS DURING THE OCCUPATION OF PSKOV (1941–1944)

The article is devoted to the fate of ecclesiastical art objects in the occupied territory of Pskov during the period from 1941 to 1944, and also examines the postwar period of the return of displaced cultural property to USSR. The article examines the activities of the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg (ERR), as well as other German units whose interests included the transfer of valuables from the occupied territories. The main attention is paid to the activities of the staff of the Pskov Museum "Pogankin Chambers" — N. S. Blagoveschenskaya and V. S. Ponomarev — and the icon-painting workshop attached to the Administration of the Pskov Orthodox Mission. Based on the archival materials, the authors establish the scope of the icon-painting workshop's activities: the materials used by the workshop staff are indicated; the products produced by the workshop are listed; and the specific items that were in demand in the shop at the Administration of the Pskov Orthodox Mission are identified. Attention is paid to the interaction between members of the Pskov Orthodox Mission and the occupation authorities in matters of ecclesiastical art. Special attention is given to the procedure for the evacuation of church valuables from Pskov to the canonical territory of the Baltic Exarchate, as well as the procedure for the removal of valuables by the staff of the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg. Based on archival data, it is possible to establish a list of removed icons, as well as to determine from which Pskov churches the objects of ecclesiastical art were taken. The authors also clarify the deciphering of the German marking of icons, which was previously performed by the staff of the Pskov Museum-Reserve.

Keywords: Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg, Pskov Orthodox Mission, church valuables, displaced art, "Pogankin Chambers" museum, icon-painting workshop at the Administration of the Pskov Orthodox Mission, Pskov icons, German marking of icons, occupation of Pskov (1941–1944), Great Patriotic War.

На протяжении XX века на территории СССР в связи с гонениями на церковь отношение к церковному искусству складывалось неоднозначно.

В 1920 – 1930-е годы в советской России происходило массовое закрытие и разрушение православных храмов (пик закрытия и разрушения храмов начался после 1929 г.), а вместе с тем происходила утрата и церковного изобразительного искусства. Кампания по изъятию церковных ценностей началась в 1922 году и в первую очередь коснулась предметов из драгоценных металлов и ювелирного искусства. Произведения древнерусского искусства из закрытых приходов сохранялись верующими по домам или попадали в музеи. В ситуации массовых гонений на церковь и сознательного разорения церковного искусства единственной возможностью сохранить его обладал музей. В Псковской губернии кампания по изъятию церковных ценностей проходила с середины марта до середины августа 1922 г. Так, Псковский археологический музей обращался с просьбой в Губисполком о пересмотре — с художественной точки зрения — некоторых риз, отобранных в рамках кампании. Порховское общество изучения местного края обращалось в Губфинотдел с просьбой спасти и передать на хранение в Поганкины палаты некоторые особо значимые, представляющие историческую ценность экспонаты, отобранные комиссией для изъятия¹. В этот же период (1920–1930-е гг.) продолжается серьезная работа по изучению и реставрации — раскрытию от поздних наслоений древних произведений церковного искусства (икон), однако выставки памятников древнерусской живописи проходят за рубежом (ил. 1). С этого времени образцы церковного искусства становятся предметом экспорта².

Ил. 1.

Выставка икон. Кёльн, 24 марта – 5 апреля 1929 г. Стена напротив входа. © ОР ГТГ. Источник: Лишневецкая А. Русская икона в Германии: выставки 1929 года // Третьяковская галерея. 2021. №70. — URL: <https://www.tg-m.ru/articles/1-2021-70/russkaya-ikona-v-g> (дата обращения: 10.10.2024)

К 1940-м годам большинство православных храмов находятся в запустении — разрушены, закрыты или используются под хозяйственные нужды. В Псковской епархии, насчитывавшей до революции 554 церкви³, накануне войны действующих храмов практически не осталось. Коллекция церковных ценностей, по большей части, находилась в ведении Псковского музея-заповедника, основное здание которого с 1902 г. располагалось в Поганкиных палатах (палатах купца Поганкина — гражданской постройке XVII в.). В 1914 году в состав музея была включена часть коллекции знаменитого собирателя Федора Михайловича Плюшкина. Накануне войны музей претерпел ряд организационных изменений и не имел единой системы

учета⁴. До начала оккупации из Пскова сотрудниками музея было эвакуировано около 8 вагонов ценностей, однако в связи со стремительным наступлением противника отечественные специалисты многое вывезти не успели.

С началом Великой Отечественной войны на всех оккупированных территориях действует Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга ("ERR"), осуществляющий планомерное обследование оккупированных территорий на предмет наличия культурных ценностей, с последующим использованием информации в своих интересах. Одной из задач Штаба было осуществление идеи создания «Музея Гитлера»⁵ в немецком городе Линц — т. н. «Особая миссия «Линц»»⁶.

Оперативный штаб Розенберга пользовался книгами советских искусствоведов для выявления наиболее интересных для себя объектов культурного наследия: «Через посыльных мы высылаем <...> по договоренности между вами (проф. И. Д. Гриммом – начальником канцелярии Прибалтийского экзархата. — К. Б.) и господином Розенфельдером (руководителем группы религиозной политики Восточного министерства. — К. Б.) книгу Игоря Грабаря "История русского искусства": тома 5 – 8. Прошу вас, согласно договоренности с господином Розенфельдером, указать важные для него московские церкви и как можно скорее переслать книгу нам обратно» (из письма профессору Гримму от доктора Нерлинга — руководителя рабочей группы «Остланд» Штаба Розенберга)⁷.

Хотя официальное право производить отбор произведений искусства принадлежало Оперативному штабу Розенберга, внутри самого Третьего рейха существовала конкуренция между различными структурами:

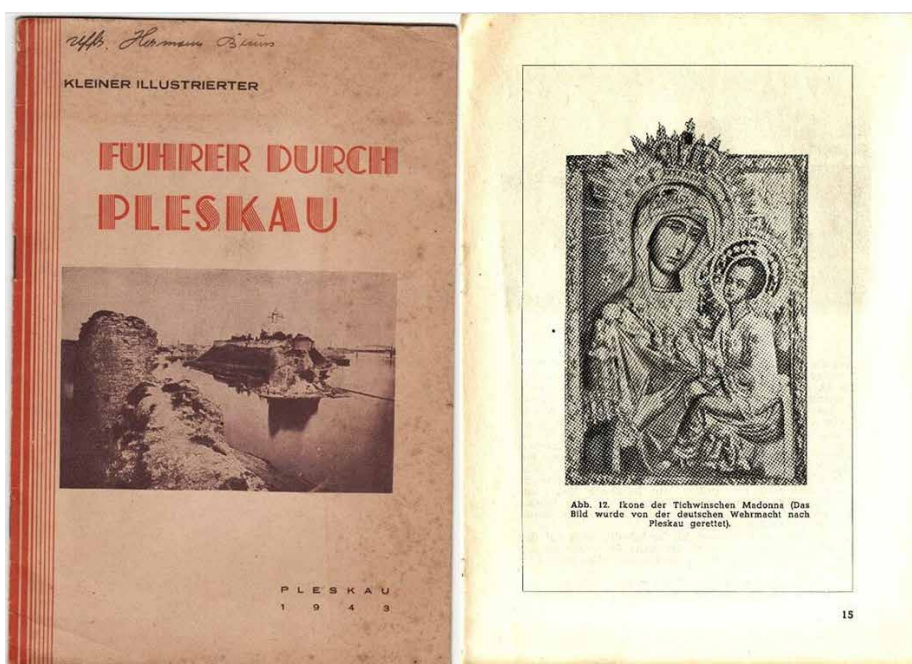
- «Батальоном Кюнсберга» (подразделение СС штурмбаннфюрера барона Эберхарда фон Кюнсберга);
- уполномоченным войсковой группы армий «Север» по охране художественно-культурных ценностей графом Эрнстотто цу Зольсм-Лаубахом;
- экономической командой «Гёрлиц», СД.

Также отмечались случаи вывоза ценностей в личном багаже офицеров и солдат действующей немецкой армии. Если в пригородных дворцах-музеях Ленинграда специалистов Штаба интересовала живопись, предметы интерьера, то в Пскове, оккупированном через две недели после начала Великой Отечественной войны, внимание сотрудников Розенберга было направлено в первую очередь на иконы. Специалисты Штаба вели т. н. картотеку "Z" — карточки с информацией о культурных ценностях на местах, направляемые в Берлин для дальнейшего учета и отбора для немецкой коллекции. Так, рабочая группа «Эстония», в ведение которой входил Псков, при осмотре Троицкого собора 21 октября 1941 г. отмечает, что в храме «сохранилась алтарная преграда с многочисленными иконами, покрытыми золотом». В Поганкиных палатах содержатся «остатки всех музейных коллекций». В церкви Успения с Пароменья (т. н. «Золотой часовне») находится «много тысяч икон из Псковских церквей и часовен»⁸.

Почти через два месяца после начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 г., по благословию митрополита Сергия (Воскресенского) из Риги в Псков направляется группа священников-миссионеров для возрождения церковной жизни. С началом деятельности Псковской Православной миссии начинается новая

страница не только в церковной истории Псковской земли в целом, но, в частности, в судьбе предметов церковного искусства.

Немецкое руководство распорядилось передать сотрудникам Миссии священные предметы из фондов Поганкиных палат⁹. Однако военная и гражданская администрация ограничивалась демонстративной передачей верующим некоторых церковных ценностей. Так, 31 декабря 1941 г. через военного коменданта Пскова в помещения Миссии была передана Тихвинская икона Божьей Матери. 1 января 1942 г. крестным ходом икона была перенесена в Троицкий собор, однако святыня могла находиться в храме только в воскресные и праздничные дни и в определенные часы, в остальные дни помещаясь в здании военной комендатуры¹⁰. Фотография иконы была размещена в Малом иллюстрированном путеводителе по Пскову К. Заблоцкого, изданном на немецком языке в 1943 г.¹¹ и продававшемся в Пскове (ил. 2).

Ил. 2.

Заблоцкий К. Иллюстрированный путеводитель по Пскову на немецком языке. 1943 г. Частное собрание

В декабре 1942 г. экзарху Сергию (Воскресенскому), с расчетом на пропаганду оккупационных властей, были вручены 1026 русских Библий, Евангелий и церковных рукописей XVI – XIX веков¹². Желание убедить местное население в том, что немецкая армия осуществляет борьбу с большевизмом, а не с русским народом, было одним из ключевых. В газете «За Родину», выходившей на оккупированной территории, регулярно встречаются материалы, касающиеся предметов церковного искусства. В статье, посвященной сокровищам Поганкиных палат из экспозиции, которая «благодаря немецкому командованию пополняется <...> старинной церковной утварью, главным образом, из Пскова и Новгорода», среди мастеров, чьи работы хранятся в коллекции, упоминаются Рублев, Дионисий, Феофан Грек. В заключение автор статьи благодарит немецкое руководство «за спасение художественных ценностей»¹³. Стоит отметить, что все периодические издания, выходившие на оккупированных территориях, подвергались строгой цензуре со стороны немецкого руководства. Таким образом, даже правдивая основа любой новости, в том числе связанная с церковным искусством, преподносилась под определенным углом зрения. Коллекция музея включала как древнерусскую живопись, так и более позднюю русскую и западноевропейскую живопись, фарфор, церковные облачения, книги. Для посетителей музей был открыт ежедневно с 10 до 12 часов дня¹⁴ (ил. 3).

Ил. 3.

Немецкий солдат на выставке
в Поганкиных палатах. Октябрь 1942 г.
© *BArh. Bild. 1011-234-0924-25*

*Ил. 3 – 5. Источник: Федеральный архив
Германии, г. Кобленц (BArh). Фонд фотографий.
— URL: https://www.bild.bundesarchiv.de/dba/de/search/?channelid=dcx-channel_barch_bilder&query=Pleskau&day=&month=&yearfrom=&year=&imageid=&title=&farbe=&kostenfrei=&ausrichtung=&view-gallery&submit= (дата обращения:
4.01.2023).

Уже в сентябре 1941 г. вышло распоряжение немецкой администрации, по которому все материальные затраты по содержанию культовых зданий должно нести местное население¹⁵. В Пскове при Управлении миссии в декабре 1941 г. была открыта иконописная мастерская, где производились как реставрационные работы, так и написание новых икон.

Одновременно в «Музее Поганкина» велась реставрация древних икон квалифицированными специалистами. В мастерских Поганкиных палат профессиональную деятельность осуществляла Н. С. Благовещенская (Васильянова) (ил. 4). Надежда Сергеевна родилась в 1881 году в городе Усть-Ижора Санкт-Петербургской губернии, в семье священника. С 1918 по 1922 г. работала на фарфоровом заводе (бывшем Императорском), исполняла эскизы росписей для фарфоровых изделий. Ряд ее работ находится в коллекции Государственного Русского музея¹⁶, Государственного Эрмитажа¹⁷. С 1923 по 1933 г. она была научным сотрудником художественного отдела Русского музея, занималась реставрацией икон. Будучи прихожанкой Знаменской церкви Ленинграда, 17 января 1933 г. была репрессирована. После ссылки, в начале Великой Отечественной войны находилась в Пскове, где вела реставрационную деятельность в музее. В газете «За Родину» от 24 сентября 1943 г. подробно описывается работа художника-реставратора Поганкиных палат Н. С. Благовещенской. Из статьи мы узнаём, что Надежда Сергеевна проводила не только базовые реставрационные операции — такие, как укрепление аварийных участков живописи, а занималась довольно длительной по времени «научной расчисткой икон», раскрывая древние и довольно большие по размерам иконы от поздних слоев записей и потемневшей олифы. «Здесь, в старой купеческой палате, умелые руки

художницы-реставратора Н. С. Благовещенской любовно и тщательно воскрешают или вернее пробуждают древние иконы от их векового сна, открывая взору яркий красочный мир художественных сокровищ древней русской живописи»¹⁸. Еще одним сотрудником музея был Василий Сергеевич Пономарев — историк и археолог, переехавший из Новгорода в Псков в 1943 г. и с этого времени работавший в музее. В обязанности В. С. Пономарева входил учет и систематизация культурных ценностей¹⁹.

Ил. 4.

Н. С. Благовещенская за работой в мастерской Поганкиных палат. Октябрь 1942 г. © *BArh. Bild.* 1011-234-0923-37

Вторым центром возрождения церковного искусства являлась иконописная и церковно-художественная мастерская, существовавшая при Управлении Псковской Православной миссии, открытая 12 декабря 1941 г.²⁰ В штат сотрудников входило около 20 человек²¹. Не всегда на работу в мастерскую брали людей с художественным образованием. Иногда устраивали тех, кого могли забрать на принудительный труд в Германию, спасая, таким образом, от вывоза²². Иконописная мастерская занималась реставрационными работами, выполняла иконы на заказ — для храмов, а также производила изделия для продажи. Художники составляли альбомы эскизов икон, выполняя их с литографических образцов²³.

Заведующая магазином при Управлении Псковской миссии Зоя Ободнева составляла ежемесячный финансовый отчет²⁴, благодаря которому можно установить список продукции магазина. Это литографические иконки размером 26 × 19,5 см, 13 × 10 см, 7,5 × 5 см, кресты инкрустированные, кресты медные рижской чеканки, кресты медные псковской чеканки, кресты серебряные, кресты свинцовые, резные рамки, поминания рижского и псковского издания, табель-календари псковского издания, венчики, молитвенники, художественные открытки, цветы искусственные, поплавки для лампад, свечи венчальные²⁵.

По финансовым документам иконописной мастерской можно проследить, какие материалы регулярно использовались художниками. Некоторые краски и лаки в мастерскую поставлялись из Риги. В постоянном пользовании были полотно, подрамники, фанера, доски для икон; акварель, краски в тюбиках, краски сухие в пакетиках (тертая берлинская лазурь, крон желтый, белила, сурик свинцовый); олифа, олифа искусственная, сиккатив, скипидар, бензин, керосин, лак масляный, лак марса, масло льняное, яйца куриные натуральные; эмаль белая, эмаль серая;

бронза; фольга; клей столярный, молотый мел, белила грунтовочные; кисти щетинные и художественные; стеклянная бумага, пемза; бахрама, парча, шелковые пояса, шелк-вискоза, шелковые нитки для вышивания, плюш вишневый, жемчуг для евангелия; анилиновые краски; рама багетная, рамки художественные; гвозди обойные; деревянные подвески-яички, кресты запрестольные с тумбами, которые, вероятно, потом расписывались²⁶.

Учитывая такой разнообразный список, можно говорить, что мастерская самостоятельно выполняла все этапы создания икон — от подготовки основы и левкашения доски до написания образа и покрытия его олифой. Сотрудники производили реставрационные работы, имея для этого необходимые материалы. Среди покупок упоминаются иконы, которые приобретались для дальнейшей реставрации. Многие храмы получали от мастерской при Управлении Псковской Православной миссии продукцию в долг²⁷, ведь главным мотивом являлось желание обеспечить храмы всем необходимым для нормального богослужения. Несмотря на выплату высокого налога оккупационным властям, иконописная мастерская полностью себя обеспечивала и поддерживала другие направления деятельности Псковской Православной миссии²⁸.

Благодаря деятельности Псковской Православной миссии, за короткий срок число действующих церквей выросло в несколько раз. К концу 1941 г. в Пскове богослужения совершались в Свято-Троицком кафедральном соборе, храме святого великомученика Димитрия Солунского (Мироточивого) и храме преподобного Варлаама Хутынского²⁹. К началу 1943 г. в Пскове и прилежащих оккупированных территориях Ленинградской области был открыт 221 храм, служило 84 священника³⁰. Несмотря на ужесточение оккупационного режима с 1943 г., члены Миссии продолжали свое служение, в том числе по восстановлению православных храмов. К 1944 г. силами Миссии было восстановлено около 400 приходов, в самом Пскове было открыто 8 церквей; служило около 175 человек. Каждый священник зачастую окормлял по несколько приходов одновременно. Последним в Пскове был открыт храм святого Архангела Михаила (церковь святых Архангелов Михаила и Гавриила с Городца, 1339 г.) — в январе 1944 г.

После окончательного снятия блокады Ленинграда 27 января 1944 г. и продолжительной бомбардировки Пскова советской авиацией 18 февраля немецкое руководство объявило о всеобщей эвакуации³¹. С 9 марта началась Псковская наступательная операция левого крыла Ленинградского фронта, продлившаяся до 15 апреля 1944 г.³²

По распоряжению митрополита Сергия (Воскресенского) по линии Псковской Православной Миссии, ценности, принадлежащие церкви, необходимо было перемещать на каноническую территорию Прибалтийского экзархата. В первую очередь эвакуировали церковные святыни — Святые Дары, Святое Миро, Антиминсы, богослужебные сосуды. В феврале 1944 г. в Управление Псковской миссии приказ об эвакуации пришел со стороны немецких властей. 13 февраля в Псковском кафедральном соборе Святой Троицы был отслужен молебен перед Тихвинской иконой Божьей Матери, после чего икона была отправлена в Рижский кафедральный Христорождественский собор. Дальнейшую деятельность Миссия осуществляла на территории Прибалтийского экзархата³³.

Попытка эвакуировать имущество псковского Троицкого кафедрального собора не увенчалась успехом, т. к. погрузку прервал авианалет Красной армии³⁴.

По показаниям священника Николая Жунды (в 1944 г. настоятеля Троицкого кафедрального собора), в начале февраля 1944 г. организация эвакуации церковных ценностей обсуждалась на заседании Управления Псковской миссии. Были опасения, что многие храмы, в том числе Свято-Троицкий собор, — удобные для ориентирования авиации, при отступлении могут быть взорваны³⁵. Главные святыни предполагалось эвакуировать в Ригу: богослужебные сосуды, древние иконы, напрестольные Евангелия, кресты, мощи и часть ризницы. Остальное имущество Троицкого кафедрального собора — в Двинский (Даугавпилсский) Борисоглебский собор (в архивных материалах город встречается под названием Двинск — Даугавпилс назывался так с 1893 по 1920 г.)³⁶.

Однако, по настоянию отца Николая Жунды, не хотевшего разделять церковное имущество собора, было решено производить эвакуацию в Двинск. Подготовка к эвакуации началась 15 февраля. А 16 февраля для погрузки имущества Псковского Свято-Троицкого собора через начальника 7-го отдела Псковской штандарткомандатуры Мюллер-Остена был получен один вагон. На станцию были отвезены: два комплекта серебряных вызолоченных сосудов, два серебряных напрестольных креста, один запрестольный крест в серебряном окладе, три напрестольных Евангелия, два ящика со священническими, архиерейскими и дьяконскими облачениями, большая икона Святой Троицы в серебряной ризе, икона князя Всеволода-Гавриила в серебряной ризе, копия иконы Спасителя из Спасо-Елеазаровского монастыря, несколько небольших древних икон без окладов³⁷.

Вследствие бомбардировки эвакуация не состоялась. Часть вещей была возвращена обратно в собор на грузовике, часть разворована на месте немцами. В собор были возвращены: иконы, ризница, запрестольный крест. Позже в канцелярию экзарха в Риге было передано то, что удалось вывезти из Свято-Троицкого собора своими силами. А именно: серебряные сосуды большого размера, серебряный крест с самоцветными камнями, серебряный крест среднего размера, молебное евангелие в серебряном окладе, медное позолоченное копье, комплект шитых серебром воздухов-покровов для богослужебных сосудов. 19 февраля 1944 г. члены Миссии были эвакуированы через Изборск; в дальнейшем они рассчитывали вернуться в Псков, чтобы продолжить эвакуацию ценностей, однако это требовало получения особого удостоверения Штаба Розенберга. После повторного возвращения некоторых членов Миссии в Псков в конце февраля в канцелярию экзарха Сергия были переданы: одно архиерейское облачение голубого цвета, один дьяконский стихарь золотой парчи, одна митра граненого золота. Позднее, эвакуируясь из Пскова, дьякон И. Г. Преображенский в Ригу доставил: копию иконы Спасителя из Елеазаровского монастыря, комплект мельхиоровых сосудов, несколько комплектов облачения и один антиминос. Часть самого необходимого для богослужения — комплект серебряных сосудов (из Новосельской церкви), деревянный напрестольный крест в серебряном окладе, серебряная дароносица, одно священническое облачение, два дьяконских, а также одно священническое облачение с дьяконским из Островского благочиния — оставались у самого отца Николая Жунды вплоть до его ареста. По показаниям отца Николая одна митра темно-красного цвета и шитая золотом, принадлежавшая Троицкому собору, хранилась у отца Кирилла Зайца — начальника Псковской Православной миссии, другая митра — мягкая с медными иконками — хранилась у отца Николая Шенрока. По показаниям Андрея Яковлевича Перминова эвакуация церковно-исторических ценностей из Пскова была поручена Николаю Дмитриевичу Сабурову (заведующему иконописной мастерской) в апреле или мае

1944 года³⁸. Однако установить деятельность Н. Д. Сабурова по эвакуации предметов церковного искусства в настоящее время не удалось.

Знаменитая Тихвинская икона Божьей Матери после войны оказалась с архиепископом Иоанном (Гарклавсом) в лагерях "DP" (перемещенных лиц), затем, в 1950-е гг., в Америке, где служил владыка Иоанн (Гарклавс). В 2004 г., после восстановления Успенского монастыря города Тихвина, икона была возвращена на Родину³⁹.

При эвакуации церковных ценностей верующие прятали некоторые предметы в лесах, зарывали в землю, часть наиболее ценных икон и облачений могла быть спрятана прямо в храмах⁴⁰, а часть имущества поступала в ведение церковно-приходского имущества Прибалтийского экзархата. В силу этого установить полную картину эвакуированных церковных ценностей по линии Псковской Православной миссии не представляется возможным.

В музее Поганкиных палат В. С. Пономаревым в 1944 г. была составлена «Псковская опись икон», в которую вошли около двухсот произведений древнерусской живописи из Пскова и Новгорода⁴¹.

Ценности, вывозимые из Пскова Штабом Розенберга, сначала направлялись в Латвию. Весной 1944 г. в Риге сотрудниками группы армий «Север» часть образцов русского искусства была выставлена в городском музее для солдат. Предполагалось, что некоторые произведения живописи, представленные на выставке, группа армий «Север» сохранит в своем распоряжении, чтобы потом лично передать в музей фюрера⁴².

Во второй половине апреля 1944 г. из Риги была произведена эвакуация предметов искусства, вывезенных группой армий «Север» из России для дальнейшего размещения в рейхе, в баварский город Кольмберг. В известных нам документах указано, что в двух вагонах находился 81 ящик с фарфором, но еще было необходимо упаковать 650 икон из новгородских церквей и музеев, из Тихвина, Псковского музея, а также мебель из царских дворцов под Ленинградом. Указано, что иконостасы отличаются удивительным качеством, по большей части относятся к XIV – XVIII вв. и считаются одними из лучших произведений искусства, сохранившихся в России. В этих же документах отмечено, что упаковка икон требовала длительного времени: на красочный слой для защиты от повреждений наносились бумажные наклейки на мучной клейстер. Иконы одинакового размера фиксировались лицом к лицу для защиты от повреждений красочного слоя; маркировались, затем помещались в деревянные ящики для сохранности при последующей транспортировке. Все работы производились в Риге одним сотрудником и пятью плотниками⁴³. Некоторые иконы, находящиеся под поздними записями, перед упаковкой проверялись на наличие древнего красочного слоя путем срезания фрагмента красочного слоя до левкаса⁴⁴. Дальнейшая транспортировка происходила поэтапно, в течение нескольких месяцев.

После войны, благодаря спискам «Кольмбергской описи», часть произведений, вывезенная Штабом Розенберга, была возвращена в Псков. Не всегда точная расшифровка немецкой маркировки затрудняла распределение ценностей внутри страны. Специалисты отмечают, что около трети всех музейных ценностей, вывезенных из Пскова, в Россию не вернулось⁴⁵, по их подсчетам, это 2758 предметов⁴⁶. Среди утраченных произведений церковного искусства сотрудники Псковского музея-заповедника выделяют икону «Рождество Богоматери» с клеймами жития

Богоматери XVI в., «Богоявление с Древом Иессеевым» конца XVI в., список конца XVII в. с иконы «Богородица Псково-Покровская», шитую хоругвь «Троица» 1630-х годов, хоросы XV столетия⁴⁷.

По данным описи, хранящейся в Федеральном архиве Германии⁴⁸, из храмов Пскова весной 1944 г. было вывезено около 230 икон — в основном это произведения древнерусской живописи большого размера. Вероятно, сведения описи неполные.

Первые попытки расшифровать маркировку икон, вывезенных из Пскова, предприняли сотрудники Псковского музея-заповедника. Трудность установки точного происхождения икон заключается в том, что все иконы, находившиеся до эвакуации в «Золотой часовне» (церкви Успения с Пароменья) — месте хранения памятников древнерусского искусства, поступавших из разных мест оккупированных территорий Ленинградской области, имеют маркировку "Pl-P". Однако, в конце 1980-х годов на некоторых иконах из церкви Успения с Пароменья, с маркировкой "Pl-P" были обнаружены карандашные пометки на русском языке «У.П, II, 1», «Усп. П, III, 10». Уже в 2000 г. выяснилось, что это карандашные пометки В. С. Пономарева на иконах, происходящих из иконостаса Пароменской церкви. В немецком архиве сохранились фотографии интерьера Троицкого собора и Пароменской церкви Пскова⁴⁹. Черно-белые и не всегда четкие фотографии, тем не менее, дают представление о том, какие именно иконы находились в иконостасе Пароменской церкви, а следовательно, происходят из данного храма (ил. 5). Специалисты псковского музея в свое время аналогичное подтверждение получили, обратившись в архив фотографий Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА)⁵⁰ — ныне это Институт истории материальной культуры РАН⁵¹.

Ил. 5.
Иконостас церкви Успения
с Пароменья. Июнь 1944 г. © *BArh. Bild.*
146-2013-0057

В списках, хранящихся в Федеральном архиве Германии, указано, что вещи были захвачены группой армий «Север» и переданы в "ERR", далее перемещены из Риги в Кольмберг. В этих же списках указаны размеры произведений, их название, краткое описание и происхождение⁵². Благодаря архивным данным, нам в ходе исследования удалось уточнить происхождение икон, вывезенных из храмов города Пскова. Художник-реставратор Наталья Михайловна Ткачева предлагает расшифровку немецкой маркировки вывезенных из Пскова икон⁵³, которая в целом

совпадает с архивными материалами, но имеет расхождения по нескольким обозначениям: PL-M, PL-W, PL-B. Расшифровка Н. М. Ткачевой и выполненная нами по архивным материалам представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Расшифровка маркировки икон, вывезенных из Пскова в 1944 году

Маркировка	Расшифровка Н. М. Ткачевой ⁵⁴	Расшифровка по материалам Федерального архива Германии (г. Кобленц) – Бундесархив ⁵⁵
PL	Псков	Псков
PM	Псковский музей	Псковский музей
PL-M	<i>Мирожский монастырь</i>	Михайловская церковь
PL-MK	Мирожский монастырь	Св-Стефановская церковь Мирожский монастырь
PL M/S	Стефановская церковь Мирожского монастыря	–
PL-W	<i>Церковь Василия на горке</i>	Варлаамовская церковь
PL-WG	Церковь Василия на горке	Церковь Василия на горке
PL-D	Церковь Дмитрия Мироточивого	Церковь Дмитрия Мироточивого
PL-P	Церковь Успения с Пароменья	Церковь Успения с Пароменья
PL-B	<i>Церковь Богоявления с Запсковья</i>	Церковь Успения
PL-B	–	Церковь ап. и ев. Иоанна Богослова (с Мишариной горы)
PL-JB	Церковь Иоанна Богослова	–
PL-IB	–	Св-Иоанновская церковь
PL-T	Троицкий собор	Троицкий собор
PL-S	Церковь Петра и Павла Сереткинського монастыря	Церковь Петра и Павла Сереткинського монастыря
PL-K	–	Церковь Казанской Богоматери
PL-L	Церковь Николы в Любятово	Церковь Николы в Любятово
H	Вероятно, предварительный отбор для музея Гитлера	–

Примечание к таблице. Курсивом обозначены несоответствия расшифровки архивным данным.

Военные действия, неминуемо принесящие страдания и разрушения всей стране, для Пскова, оказавшегося в сложнейших условиях оккупации, обернулись проявлением силы духа русского народа, что было неразрывно связано с возрождением православной церкви, практически уничтоженной в СССР к 1941 году. Благодаря самоотверженному труду и служению членов Псковской миссии, сотрудников иконописной мастерской, псковского музея («Музея Поганкина») создавались новые произведения церковного искусства, сохранялись и реставрировались древние иконы. Иконы возвращались в литургическое пространство восстановленных храмов и становились неотъемлемой частью процессов церковного возрождения на Северо-Западе СССР. Проблема вывоза и эвакуации предметов церковного искусства из «прифронтовых областей России», их возвращения в послевоенный период требует дальнейшего изучения и остается перспективной темой для будущих исследований.

В заключение хочется выразить слова благодарности Константину Петровичу Обозному — кандидату исторических наук, декану исторического факультета, заведующему кафедрой церковной и социальной истории Свято-Филаретовского института (СФИ), — под руководством которого было выполнено данное исследование.

Примечания

1. *Иванова М. А.* Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2006. №24. С. 154, 158.
2. *Осокина Е. А.* Небесная голубизна ангельских одежд. Судьба произведений древнерусской живописи, 1920 – 1930-е гг. М. : НЛО, 2018. С. 111.
3. *Обозный К., Витолс А.* Протопресвитер Кирилл Зайц — начальник Псковской Духовной Миссии. Рига : [Б. и.], 2023. С. 48.
4. История Псковского музея-заповедника и его коллекции. — URL: <https://museumpskov.ru/page/history> (дата обращения: 21.02.2024).
5. *Kirchmayr B.* Sonderauftrag Linz. Zur Fiktion eines Museums // Nationalsozialismus in Linz : in 2 Bd. / Hg. F. Mayrhofer, W. Schuster. Linz : Archiv der Stadt Linz, 2001. S. 557 – 596.
6. *Schwarz B.* Geniewahn : Hitler und die Kunst. Wien [etc.] : Böhlau, cop. 2009. — 397 S.
7. ЦДАВО. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 137. Л. 30. — URL: <https://err.tsdavo.gov.ua/fonds/3/> (дата обращения: 20.11.2023).
8. *Бойцов М. А., Васильева Т. А.* Картотека "Z" Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941 – 1942 / под ред. С. П. Карпова. М. : МГУ, 1998. С. 27, 245 – 247.
9. *Обозный К. П.* История Псковской православной миссии 1941 – 1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2008 (Материалы по истории Церкви. Кн. 40). С. 148 – 149.
10. *Гаврилин А. В.* Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб. : Алаборг; Тихвин : Тихвинский Богородичный Успенский мужской монастырь, 2009. С. 215.
11. *Zablozki K.* Kleiner illustrierter Fuhrer durch Pleskau. Pleskau, 1943. S. 15.
12. *Шкаровский М. В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М. : Вече, 2007. С. 361 – 362.
13. Г. К. Сокровища Поганкиных палат // За Родину. Псков. 3.10.1942. №21. С. 4.
14. *Ткачева Н. М.* Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник // Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. М. : Культура, 2007. Т. 14. Кн. 1. С. 9.

15. *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 361.
16. Государственный Русский музей. Служба реставрации музейных ценностей. Благовещенская (Васильянова) Надежда Сергеевна (1881–1967). — URL: <http://restoration.rusmuseum.ru/rest-blagovetsenskaja-restoration.htm> (дата обращения: 17.12.2023).
17. Государственный Эрмитаж. Коллекции онлайн. — URL: <https://collections.hermitage.ru/entity/AVTOR/9125> (дата обращения: 18.12.2023).
18. *Пономарев В.* В реставрационной мастерской Псковского музея // За Родину. Псков. 24.09.1943. №223 (318). С. 2.
19. *Ткачева Н. М.* Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 16 – 17.
20. *Обозный К. П.* Указ. соч. С. 182.
21. История Псковской православной миссии в документах: в 2 ч. / сост. Иеромонах Платон (Рожков). Козельск : Введенский ставропигиальный монастырь Оптина пустынь, 2017. Ч. II. Документы судебно-следственных дел духовенства и служащих. С. 239.
22. *Обозный К. П.* Указ. соч. С. 184.
23. ЦГА СПб. Ф. Р-3355. Оп. 18. Д. 3. Л. 31.
24. Там же. Л.1 – 119.
25. Там же. Л. 3, 16.
26. Там же. Л. 4, 10, 15, 39, 69, 96, 102 – 103.
27. Там же. Л. 69, 10.
28. *Обозный К. П.* Указ. соч. С. 184 – 186.
29. Там же. С. 149.
30. *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 364.
31. *Обозный К. П.* Указ. соч. С. 455.
32. Псковская наступательная операция левого крыла Ленинградского фронта. Память народа 1941 – 1945. — URL: <https://pamyat-naroda.ru/ops/pskovskaya-nastupatel'naya-operatsiya-levogo-kryla-lenfronta/> (дата обращения: 2.01.2024).
33. *Обозный К. П.* Указ. соч. С. 456 – 457, 462, 455.
34. Там же. С. 458.
35. История Псковской православной миссии в документах... Ч. II. С. 214.
36. Большая российская энциклопедия 2004 – 2017. — URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/1941762> (дата обращения: 15.01.2024).
37. История Псковской православной миссии в документах... Ч. II.
38. Там же. С. 214 – 217, 239, 240.

39. *Гаврилин А. В.* Указ. соч. С. 268 – 269, 313 – 321, 432.
40. Там же. С. 216.
41. *Ткачева Н. М.* Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 17.
42. ЦДАВО. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 138. Л. 724. — URL: <https://err.tsdavo.gov.ua/fonds/3/> (дата обращения: 20.11.2023).
43. Там же. Л. 723.
44. *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи в России 1941 – 1945 гг. М. : Политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2017. С. 179.
45. Там же. С. 20, 182.
46. Культурные ценности — жертвы войны. Т. 14. Псковский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. — URL: <https://lostart.ru/catalog/ru/tom14/> (дата обращения: 15.01.2024).
47. *Ткачева Н. М.* Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 19.
48. BARh. В 323/498, 243 – 297. — URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml> (дата обращения: 17.11.2022).
49. BARh. Bild. 146-2013-0059; Bild. 146-2013-0057. — URL: https://www.bild.bundesarchiv.de/dba/de/search/?channelid=dcx-channel-channel_barch_bilder&query=Pleskau&day=&month=&yearfrom=&yearto=&imageid=&title=&farbe=&kostenfrei=&ausrichtung=&view=gallery&submit= (дата обращения: 4.01.2023).
50. *Ткачева Н. М.* К вопросу о происхождении памятников древнерусской живописи из собрания Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докл. научно-практич. предстоящей конф. Псков : Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1987. С. 14.
51. Институт истории материальной культуры РАН. — URL: <https://www.archeo.ru/> (дата обращения: 14.01.2024).
52. Там же.
53. *Ткачева Н. М.* К вопросу о происхождении памятников древнерусской живописи из собрания Псковского музея-заповедника. С. 13 – 15.
54. Там же.
55. BARh. В 323/498, 243-297. — URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml> (дата обращения: 17.11.2022).
1. *Ivanova M. A.* Kampaniya po iz`yatiyu cerkovny`x cennostej v Pskovskoj gubernii v 1922 gg. // Pskov: Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal. 2006. №24. S. 154, 158.

2. *Osokina E. A.* Nebesnaya golubizna angel'skix odezhd. Sud'ba proizvedenij drevnerusskoj zhivopisi, 1920 – 1930-e gg. M. : NLO, 2018. S. 111.

3. *Oboznyj K., Vitols A.* Protopresviter Kirill Zajcz — nachal'nik Pskovskoj Duxovnoj Missii. Riga : [B. i.], 2023. S. 48.

4. Istorija Pskovskogo muzeya-zapovednika i ego kollekcii. — URL: <https://museumpskov.ru/page/history> (data obrashheniya: 21.02.2024).

5. *Kirchmayr B.* Sonderauftrag Linz. Zur Fiktion eines Museums // Nationalsozialismus in Linz : in 2 Bd. / Hg. F. Mayrhofer, W. Schuster. Linz : Archiv der Stadt Linz, 2001. S. 557 – 596.

6. *Schwarz B.* *Geniewahn* : Hitler und die Kunst. Wien [etc.] : Böhlau, cop. 2009. — 397 S.

7. CzDAVO. F. 3676. Op. 1. D. 137. L. 30. — URL: <https://err.tsdavo.gov.ua/fonds/3/> (data obrashheniya: 20.11.2023).

8. *Bojczov M. A., Vasil'eva T. A.* Kartoteka "Z" Operativnogo shtaba «Rejkslyajter Rozenberg». Cennosti kul'tury` na okkupirovanny`x territoriyax Rossii, Ukrainy` i Belorussii. 1941 – 1942 / pod red. S. P. Karpova. M. : MGU, 1998. S. 27, 245 – 247.

9. *Oboznyj K. P.* Istorija Pskovskoj pravoslavnoj missii 1941 – 1944 gg. M.: Izd-vo Kruticzskogo podvor'ya; Obshhestvo lyubitelej cerkovnoj istorii, 2008 (Materialy` po istorii Cerkvi. Kn. 40). S. 148 – 149.

10. *Gavrilin A. V.* Pod pokrovom Tixvinskoj ikony`. Arxipasty`rskij put` Ioanna (Garklavsa). SPb. : Alaborg; Tixvin : Tixvinskij Bogorodichnyj Uspenskij muzhskoj monasty`r`, 2009. S. 215.

11. *Zablozki K.* Kleiner illustrierter Fuhrer durch Pleskau. Pleskau, 1943. S. 15.

12. *Shkarovskij M. V.* Krest i svastika. Nacistskaya Germaniya i pravoslavnyaya cerkov`. M. : Veche, 2007. S. 361 – 362.

13. G. K. Sokrovishha Pogankiny`x palat // Za Rodinu. Pskov. 3.10.1942. №21. S. 4.

14. *Tkacheva N. M.* Pskovskij gosudarstvennyj ob`edinennyj istoriko-arxitekturnyj i xudozhestvennyj muzej-zapovednik // Svodnyj katalog kul'turny`x cennostej, poxishenny`x i utrachenny`x v period Vtoroj mirovoj vojny`. M. : Kul'tura, 2007. T. 14. Kn. 1. S. 9.

15. *Shkarovskij M. V.* Ukaz. soch. S. 361.

16. Gosudarstvennyj Russkij muzej. Sluzhba restavracii muzejny`x cennostej. Blagoveshenskaya (Vasil'yanova) Nadezhda Sergeevna (1881–1967). — URL: <http://restoration.rusmuseum.ru/rest-blagovetsenskaja-restoration.htm> (data obrashheniya: 17.12.2023).

17. Gosudarstvennyj E`rmitazh. Kollekcii onlajn. — URL: <https://collections.hermitage.ru/entity/AVTOR/9125> (data obrashheniya: 18.12.2023).

18. *Ponomarev V. V* restavracionnoj masterskoj Pskovskogo muzeya // Za Rodinu. Pskov. 24.09.1943. №223 (318). S. 2.

19. *Tkacheva N. M.* Pskovskij gosudarstvennyj ob`edinennyj istoriko-arxitekturnyj i xudozhestvennyj muzej-zapovednik. S. 16 – 17.

20. *Oboznyj K. P.* Ukaz. soch. S. 182.
21. Istoriya Pskovskoj pravoslavnoj missii v dokumentax v 2 ch. / sost. Ieromonax Platon (Rozhkov). Kozel'sk : Vvedenskij stavropigial'nyj monasty'r' Optina pustyn', 2017. Ch. II. Dokumenty` sudebno-sledstvenny`x del duxovenstva i sluzhashhix. S. 239.
22. *Oboznyj K. P.* Ukaz. soch. S. 184.
23. CzGA SPb. F. R-3355. Op. 18. D. 3. L. 31.
24. Tam zhe. L.1 – 119.
25. Tam zhe. L. 3, 16.
26. Tam zhe. L. 4, 10, 15, 39, 69, 96, 102 – 103.
27. Tam zhe. L. 69, 10.
28. *Oboznyj K. P.* Ukaz. soch. S. 184 – 186.
29. Tam zhe. S. 149.
30. *Shkarovskij M. V.* Ukaz. soch. S. 364.
31. *Oboznyj K. P.* Ukaz. soch. S. 455.
32. Pskovskaya nastupatel'naya operaciya levogo kry`la Leningradskogo fronta. Pamyat` naroda 1941 – 1945. — URL: <https://pamyat-naroda.ru/ops/pskovskaya-nastupatel'naya-operatsiya-levogo-kryla-lenfronta/> (data obrashheniya: 2.01.2024).
33. *Oboznyj K. P.* Ukaz. soch. S. 456 – 457, 462, 455.
34. Tam zhe. S. 458.
35. Istoriya Pskovskoj pravoslavnoj missii v dokumentax... Ch. II. S. 214.
36. Bol'shaya rossijskaya e`nciklopediya 2004 – 2017. — URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/1941762> (data obrashheniya: 15.01.2024).
37. Istoriya Pskovskoj pravoslavnoj missii v dokumentax... Ch. II.
38. Tam zhe. S. 214 – 217, 239, 240.
39. *Gavrilin A. V.* Ukaz. soch. S. 268 – 269, 313 – 321, 432.
40. Tam zhe. S. 216.
41. *Tkacheva N. M.* Pskovskij gosudarstvennyj ob`edinennyj istoriko-arxitekturnyj i xudozhestvennyj muzej-zapovednik. S. 17.
42. CzDAVO. F. 3676. Op. 1. D. 138. L. 724. — URL: <https://err.tsdavo.gov.ua/fonds/3/> (data obrashheniya: 20.11.2023).
43. Tam zhe. L. 723.
44. *Kantor Yu. Z.* Nevidimyj front. Muzei v Rossii 1941 – 1945 gg. M. : Politicheskaya e`nciklopediya (ROSSPE`N). 2017. S. 179.
45. Tam zhe. S. 20, 182.

46. Kul'turny`e cennosti — zhertyv` vojny`. T. 14. Pskovskij Gosudarstvenny`j ob`edinenny`j istoriko-arxitekturny`j i xudozhestvenny`j muzej-zapovednik. — URL: <https://los-tart.ru/catalog/ru/tom14/> (data obrashheniya: 15.01.2024).
47. *Tkacheva N. M.* Pskovskij gosudarstvenny`j ob`edinenny`j istoriko-arxitekturny`j i xudozhestvenny`j muzej-zapovednik. S. 19.
48. BARh. B 323/498, 243 – 297. — URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml> (data obrashheniya: 17.11.2022).
49. BARh. Bild. 146-2013-0059; Bild. 146-2013-0057. — URL: https://www.bild.bundesarchiv.de/dba/de/search/?channelid=dcx-channel-channel_barch_bilder&query=Pleskau&day=&month=&yearfrom=&year=&imageid=&title=&farbe=&kostenfrei=&ausrichtung=&view=gallery&submit= (data obrashheniya: 4.01.2023).
50. *Tkacheva N. M.* K voprosu o proisxozhdenii pamyatnikov drevnerusskoj zhivopisi iz so-braniya Pskovskogo muzeya-zapovednika // Arxeologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. Tezisy` dokl. nauchno-praktich. predstoyashhej konf. Pskov : Pskovskij gos. ob`edinenny`j istoriko-arxitekturny`j i xudozhestvenny`j muzej-zapovednik, 1987. S. 14.
51. Institut istorii material`noj kul`tury` RAN. — URL: <https://www.archeo.ru/> (data obrashheniya: 14.01.2024).
52. Tam zhe.
53. *Tkacheva N. M.* K voprosu o proisxozhdenii pamyatnikov drevnerusskoj zhivopisi iz sobraniya Pskovskogo muzeya-zapovednika. S. 13 – 15.
54. Tam zhe.
55. BARh. B 323/498, 243-297. — URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml> (data obrashheniya: 17.11.2022).

Сведения об авторе

Бахадова Ксения Андреевна — художник-реставратор III категории;
Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея
Рублева, художник-реставратор отдела научной реставрации
Российская Федерация, 105120, Москва, Андроньевская площадь, 10
E-mail: artprozeckt@gmail.com

Bakhadova Ksenia A. — restorer, category III; The Central Andrey Rublev
Museum of Ancient Russian Culture and Art, restorer of the Scientific Restoration
Department
10, Andronyevskaya Sq., Moscow, 105120, Russian Federation
E-mail: artprozeckt@gmail.com

Л. В. Закревская, Е. А. Репина, А. А. Кощеев

ФИННО-УГОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СЛАВЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

В статье представлены результаты изучения влияния художественных традиций финно-угорских племен на славянскую архитектуру Северо-Восточной Руси. Показаны взаимосвязи возведения деревянных и белокаменных храмов на месте языческих капищ, найдены артефакты, свидетельствующие об использовании славянами культурных особенностей финно-угорских племен. Актуальность проведения настоящего исследования объясняется необходимостью изучения исторического наследия при строительстве каменных храмов на территории Владимиро-Суздальского княжества. При анализе культурного наследия угро-финских племен рассмотрены работы предыдущих авторов — таких, как Л. А. Гаранин и В. А. Юрчёнков. Проанализированы результаты археологических изысканий на территории исторического ядра города Владимира и Успенского кафедрального собора. В результате проведенных исследований подобраны рациональные составы реставрационных композитов, сделаны выводы о целесообразности использования предложенных материалов при реставрации объектов белокаменного зодчества. В процессе работы была создана математическая модель оптимизации, изучены физико-механические свойства исторического материала и разработанного композита, проведены измерения прочностных характеристик, коэффициента линейного температурного расширения (КЛТР) и микологические исследования, а также рассчитан коэффициент сродства структур.

Ключевые слова: финно-угорское наследие, реставрация, белый камень, композит, Владимиро-Суздальское княжество, декоративные орнаменты, сродство структур, археологические изыскания.

L. V. Zakrevskaya, E. A. Repina, A. A. Koscheev

FINNO-UGRIC HERITAGE IN THE SLAVIC ARCHITECTURE OF NORTH-EASTERN RUSSIA

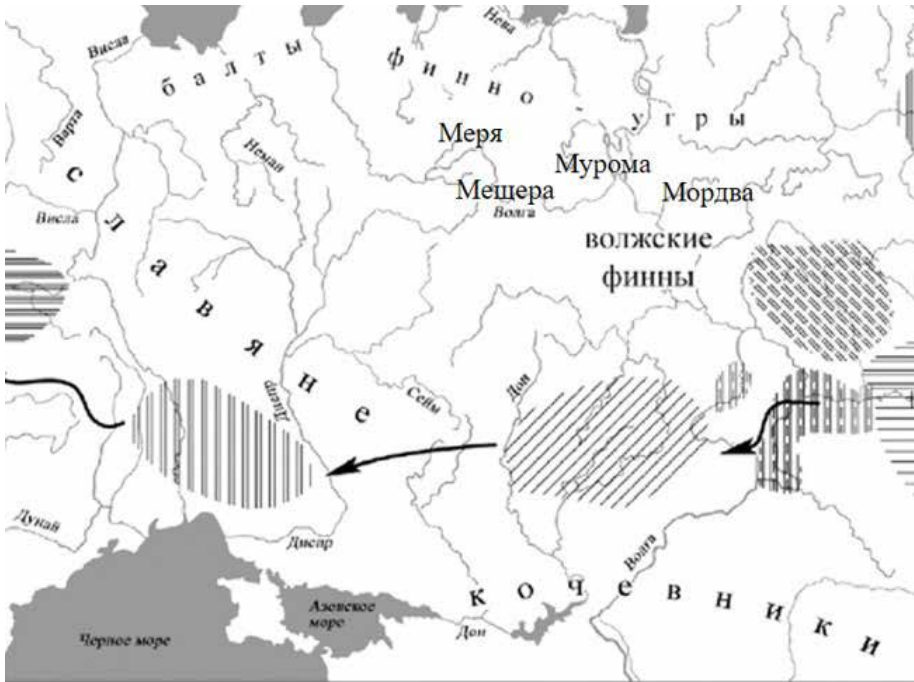
This article presents the results of a study examining the influence of the artistic traditions of Finno-Ugric tribes on the Slavic architecture of Northeastern Rus'. The relationship between the construction of wooden and white-stone churches on the sites of pagan temples is demonstrated, and artifacts are found that indicate the Slavs' use of Finno-Ugric cultural characteristics. The relevance of this study stems from the need to study the Finno-Ugric heritage in the construction of stone churches in the Vladimir-Suzdal Principality. In analyzing the cultural heritage of the Finno-Ugric tribes, the works of previous authors, such as L. A. Garanin and V. A. Yurchenkov, are considered. The results of archaeological excavations on the territory of the historical core of the city of Vladimir and the Assumption Cathedral are analyzed. Based on the research, rational compositions of restoration composites were selected, and conclusions were drawn regarding the feasibility of using the proposed materials in the restoration of white-stone architecture. During the course of the work, a mathematical optimization model was created, the physical and mechanical properties of the historical material and the developed composite were studied, measurements of strength characteristics, the coefficient of linear thermal expansion (CLTE), and mycological studies were carried out, and the affinity coefficient of the structures was calculated.

Keywords: Finno-Ugric heritage, restoration, white stone, composite, Vladimir-Suzdal Principality, decorative ornaments, structural affinity, archaeological research.

Введение

На территории Владимиро-Суздальского княжества (Владимирская обл.) в IX – XI веках проживали финно-угорские племена, в частности, меря и мурома. Эти народы были ассимилированы славянским населением, но оставили свой след в топонимике и культуре региона. Первые летописные упоминания о заселении людей на Северо-Восточных землях относятся к VI – IX векам. Это были угро-финские племена, которые расселялись по берегам рек: Кидекша (берег реки с каменистым дном) — место впадения р. Каменки в р. Нерль. Меря проживали на территории современных Ярославской, Ивановской, Владимирской, северной и восточной частях Московской и западной части Костромской областей. Их язык был близок к марийскому или мордовскому. Археологические памятники мерянского поселения, датируемые временем после XI века, неизвестны, что свидетельствует об ассимиляции финно-угорских племен¹.

Мурома же жили в нижнем течении Оки, в окрестностях города Мурома. Их язык, как и язык меря, был близок к мерянскому. Расселение угро-финских племен (Меря, Мурома) представлено на карте (ил. 1), впоследствии здесь возникали славянские города.

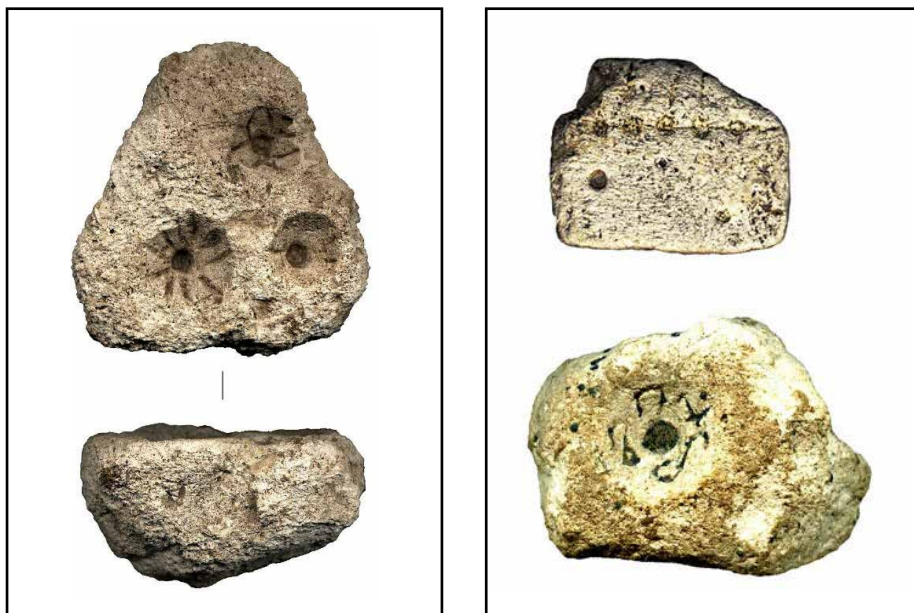
Ил. 1.

Карта расселения финно-угорских племен. Источник: Харин Е. А. Волжские Русы 4. 2018 г. — URL: https://samlib.ru/h/harin_e_a/sondolia.shtml (дата обращения: 02.03.2026)

Термин «угорский след» во Владимиро-Суздальском белокаменном зодчестве XII – XIII веков относится к влиянию архитектурных традиций Венгерского королевства (королевства угров, мадьяр). Изящные аркатуры на колонках, опоясывающие фасады храмов (Дмитриевский собор во Владимире, церковь Покрова на Нерли, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском) свидетельствуют об этом. Указывают на их сходство с декоративными аркадами романских храмов Трансильвании (Венгерское королевство), таких, как Собор в Алба-Юлии (Кальви, Кафедральный собор Св. Михаила, XII–XIII вв.). Предки угро-финнов ещё до 3 тыс. до Рождества Христова поддерживали связь с индо-иранцами. В России уцелело много памятников финской культуры (Выборг, XII – XVI вв.)². Их религиозное верование и культовые практики были тесно связаны с природой, позднее — с приходом христианства — культовые сооружения стали частью общей русской православной культуры. На ил. 2, 3

представлены результаты археологических раскопок, которые свидетельствуют о расселении угро-финских племен на территории Владимиро-Суздальского княжества.

Важной особенностью является то, что владими́ро-суздальские зодчие не просто копировали, а творчески перерабатывали заимствованные формы, создавая уникальный и самобытный стиль, в котором византийская основа (план, купола) соединилась с романской декоративностью и техникой³.

Ил. 2 (слева).

Белокаменная литейная форма для отливки свинцовых грузиков. Фото Л. В. Закревской, 2024 г.

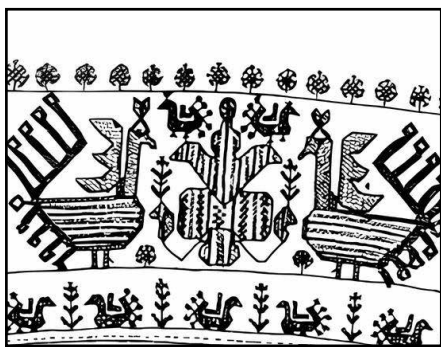
Ил. 3 (справа).

Литейная форма из известняка, фрагментарная. Фото Л. В. Закревской, 2024 г.

Резьба по дереву угро-финских народов — это сочетание геометрических растительных орнаментов с зооморфными мотивами (кони, птицы), символизирующее связь с природой. У славян же — это изображение львов и грифонов. Для сравнения представлены орнаменты финно-угорских племен и каменной резьбы Дмитриевского собора (ил. 4, 5).

На Руси, следуя традициям Восточной архитектуры, использовали различные типы вяжущих⁴. В Киеве, Новгороде, Пскове, Полоцке, Смоленске, Чернигове, Переславле Южном, Владимире-Волынском — это была известь с глиной⁵. При возведении Десятинной церкви в Киеве (990 г.) и Софийского собора (XI в.) известковый раствор смешивали с толченым кирпичом, что значительно увеличивало долговечность раствора⁶. Согласно исследованиям 1949 года, в XI – XV веках в строительстве на Руси применялась как кальциевая (жирная) известь, так и магнизиальная (тощая)⁷.

Строительные смеси, применявшиеся для Владимиро-Суздальских архитектурных памятников, имеют иной характер. Наиболее близким к вяжущим веществам Киева и Переславля можно отнести растворы Мономахова собора в Суздале. В данном случае вяжущее вещество составляет 55% от общей массы смеси, а содержание основного компонента в заполнителе достигает 64%. Кроме того, отличительной чертой этого материала является высокое содержание глинистых частиц, составляющее около 33%, при сравнительно небольшом количестве песка⁸. Следует отметить, что во Владимиро-Суздальских и Галицких памятниках присутствуют небольшие фрагменты угля, что может свидетельствовать об уникальных технологиях приготовления растворов.

Ил. 4 (сверху).

Орнитоморфные мотивы в угро-финских традициях. Изображение А. П. Косменко. Петрозаводск, Карельский научный центр РАН, 2002 г.

Ил. 5 (снизу).

Фрагмент каменной резьбы в славянских традициях. Дмитриевский собор, г. Владимир. Фото Е. А. Репина, 2024 г.

Отличительной особенностью «русских» известковых смесей домонгольского периода является их высокая «жирность». В большинстве случаев доля извести составляет около 50%, однако в некоторых образцах достигала до 70 – 80%, тогда как минимальное ее содержание зафиксировано на уровне 30%⁹.

На территории Владимиро-Суздальского княжества прослеживается тенденция использования известково-карбонатных растворов с различными видами наполнителей, такими, как известняк, мергель и кварцевый песок, что подтверждено исследованиями на памятниках XII в. и XV – XVII вв. (г. Ивангород)¹⁰. Для придания гидравличности известковому вяжущему древние зодчие добавляли, кроме «цемянки», белковые соединения (молочная сыворотка, бычья кровь и др.), которые ускоряют карбонизацию извести. В некоторых случаях, чтобы ускорить процесс твердения, рядом с возводимыми стенами разводили костры, которые не только давали тепло, но и насыщали воздух углекислым газом, способствующим ускорению карбонизации. Для приготовления строительных растворов известь смешивали с песком и добавками — такими, как солома, древесный уголь, толченая керамика¹¹. Полученную смесь закладывали в стены, фундаменты и другие конструктивные элементы, где в процессе твердения известь проходила стадию схватывания, сопровождающуюся выделением воды и постепенным превращением в известняк.

В литературе¹² приведены исследования на тему внедрения костры технической конопли при возведении объектов культурного наследия. Одним из примеров являются храмы V – IX веков (комплекс Эллора), где были использованы эти

растительные волокна для штукатурных составов под фресковые росписи, что позволило создать необходимый микроклимат для сохранения объекта до наших дней. Дело в том, что костра конопли регулирует влажность воздуха, отпугивает насекомых-вредителей, поглощает звук и лучше сохраняет тепло, тем самым формируя особый микроклимат¹³. Стоит отметить, что финно-угорские народы, ранее проживавшие на этой земле, занимались земледелием, которое было важной частью их хозяйственной деятельности. Они выращивали различные культуры. С этой целью они строили поселения вблизи плодородных земель. Исторически сложившееся коноплеводство в Мордовии косвенно свидетельствует о развитии культивирования этого злака до наших дней¹⁴.

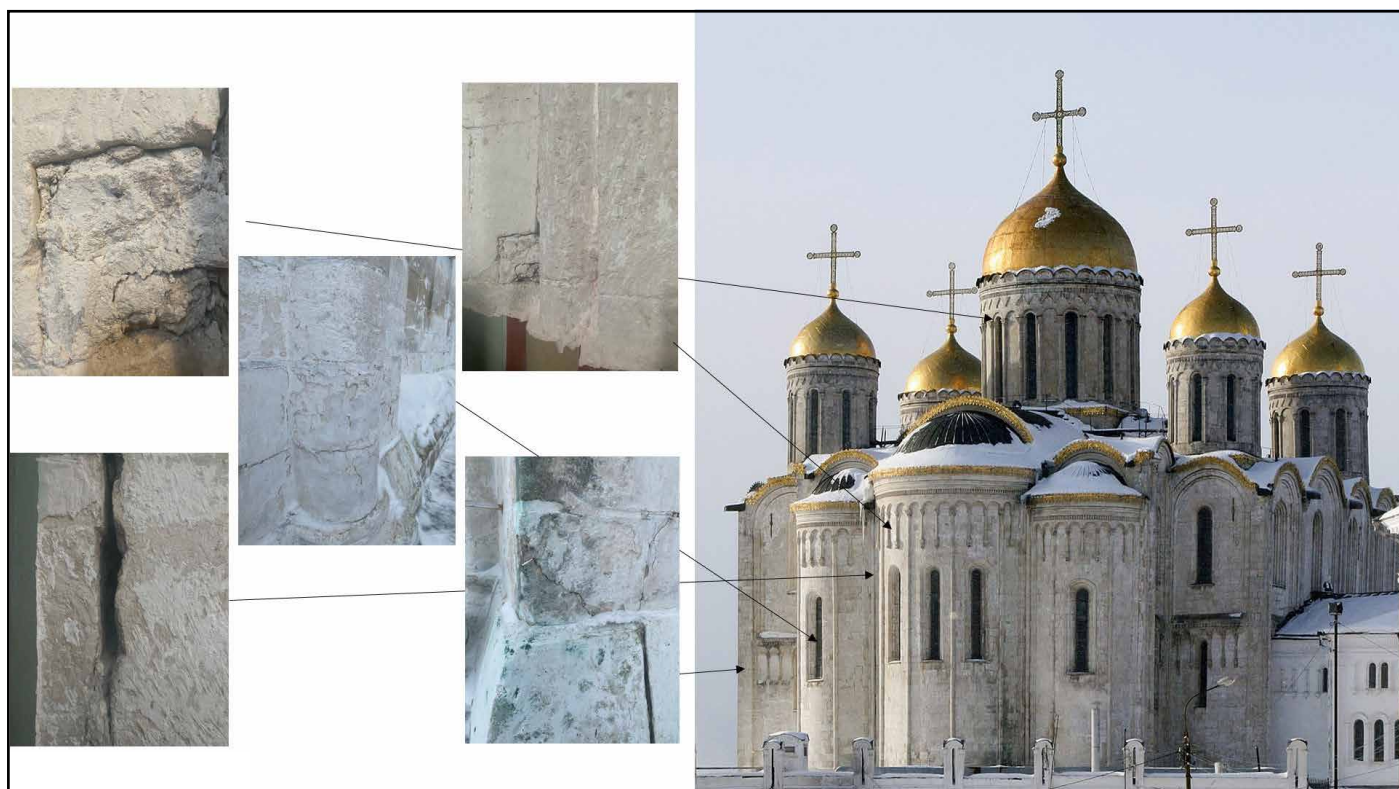
Отдельные элементы культуры меря и мурома сохранились в рамках древнерусской культуры Северо-Восточной Руси. В традициях угро-финских племен были деревянные капища, которые не дошли до нашего времени, но есть сведения, что на месте этих сооружений славяне возводили свои каменные храмы¹⁵.

Строительство Успенского собора во Владимире началось в 1158 году, а уже в 1161 году храм был расписан. Предполагается, что местом добычи белого камня (известняка) для этого строительства в XII веке являются окрестности современных сёл Верхнего и Нижнего Мячкова, имеющие непосредственный выход к Москве-реке, и где пригодный для строительства камень залегал близко к поверхности, либо Мелеховского месторождения¹⁶.

На протяжении своей истории Успенский собор неоднократно подвергался ремонтам и реставрационным работам. Самая масштабная реставрация была проведена в 1888 – 1891 годах под руководством И. О. Карабутова. В ходе этих работ собору были возвращены шлемовидные завершения глав, а кровля получила позакмарное покрытие. Также были демонтированы контрфорсы из кирпича, пристроенные к зданию в начале XVIII века; значительная часть стен подверглась «перелицовке» (замена утратившего свою несущую способность известняка на новые блоки исторического камня); порталы были заново выложены, а элементы аркатурно-колончатого пояса заменены новыми деталями, по всей видимости, точно повторяющими оригинальные формы, для изготовления которых использовался известняк близлежащего Мелеховского месторождения¹⁷. Несмотря на все внесенные изменения, собор, заложенный при Андрее Боголюбском и реконструированный при Всеволоде III Большое Гнездо, сумел сохранить свой первоначальный домонгольский облик.

Экспериментальная часть

В ходе научно-исследовательской работы, проведенной Владимирским государственным университетом им. А. Г. и Н. Г. Столетовых в 2024 году, были детально изучены материалы, использованные при строительстве Успенского кафедрального собора. На основании микроструктурного и химического анализа образцов кладочного материала, применявшегося как в XII веке, так и в последующие периоды реставрации, установлено, что его состав включает карбонаты Mg и Ca. Этот факт указывает на использование доломитизированной извести в качестве вяжущего компонента. Основным строительным материалом при возведении собора служил известняк. На *ил. 6* представлены места отбора проб при исследованиях.

Ил. 6.
 Фрагмент каменной резьбы
 в славянских традициях.
 Дмитриевский собор, г. Владимир.
 Фото Е. А. Репина, 2024 г.

При изучении Успенского кафедрального собора в толще стены были обнаружены следы органического заполнителя в кладочном растворе, которые позже в лаборатории были идентифицированы как костра технической конопли, что является так называемой конопляной известью. Этот термин появился в XII – XIII веках в Скандинавских странах. Псковские реставраторы обнаружили этот материал в своих домонгольских храмах. В отличие от других растительных заполнителей (солома, рожь, опилки, древесина, лен), костра конопли состоит из чистой целлюлозы, все остальные имеют примеси полисахаридов, отрицательно сказывающихся на эксплуатационных свойствах вяжущих веществ¹⁸. Именно это растение, как считает индийский специалист-археолог Раджи Сингх, и спасло древнее искусство¹⁹.

Волокна конопли более прочные и долговечные по сравнению с другими растительными волокнами²⁰. К тому же, растительные смолы, содержащиеся в ней, благодаря своей пластичности и «липучести», могли выступать эффективным связующим веществом, повышая качество смеси глины и извести. На *ил. 7, 8* представлен фрагмент кладочного раствора и его растровая электронная микроскопия соответственно.

Исследования проводились на базе Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Подбор сырьевых компонентов и изучение их свойств осуществлялось в соответствии с методиками, изложенными в государственных стандартах.

В проводимых экспериментах использовалось современное оборудование и приборы кафедры «Строительное производство». Такие, как

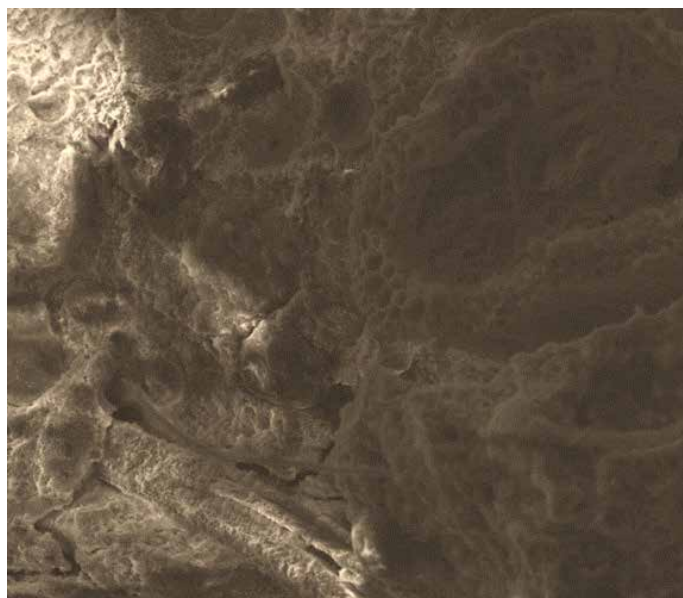
- машина для определения прочности при изгибе МИИ-100;

- пресс ПИ-2000-II производства компании «МЕТРОТЕСТ»;
- дифрактометр Bruker AXS D8 ADVANCE (модель D8, фирма-производитель: «Bruker Optik GmdH», Германия);
- оптический микроскоп МБС-9;
- сканирующий электронный микроскоп FIB-SEM LMI-700;
- адгезиметр NOVOTEST АМЦ-1;
- измеритель влажности материалов ВИМС-2.12;
- камера тепла и холода испытательная СМ-60/150-80-ТХ (80 л от -600С);
- дилатометр ДКВ 12414;
- прибор ПСХ-10М

а также платформа для программирования MatLab.

Ил. 7.
Фрагмент кладочного раствора.
Успенский кафедральный собор, г.
Владимир. Фото Е. А. Репина, 2024 г.

Ил. 8.
РЭМ кладочного фрагмента.
Фото Л. В. Закревской,
Е. А. Репина, 2024 г.

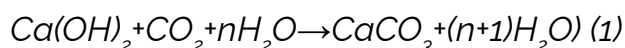
Для определения химического и минералогического состава исторического материала были использованы методы рентгенофазового анализа, результаты которых представлены в *табл. 1*.

Таблица 1. Результаты количественного и качественного анализа состава белого камня

Фаза	Количество, %	Пространственная группа
SiO ₂	52,50	P ₃ 221 (154)
CaCO ₃	27,83	R $\bar{3}$ c (167)
CaMg[CO ₃] ₂	19,67	R $\bar{3}$ (148)

Из табл. 1. видно, что исследуемый белый камень состоит из кристаллов кальцита, доломита и кварца. На основании полученных данных были подобраны сырьевые материалы для реставрационного состава, обладающего аутентичными параметрами.

Основным компонентом является гидратная известь, способная достаточно долго сохранять свою пластичность. Временной интервал начала и конца схватывания достигает нескольких часов. Стоит отметить, что при длительном твердении известь приобретает высокие прочностные характеристики, так как на воздухе она вступает в реакцию с углекислым газом, в результате чего образуется нерастворимый в воде и достаточно прочный карбонат кальция²¹. Данный процесс описывается следующей химической реакцией:

Процесс этот очень длительный, и полной карбонизации извести практически не происходит. Образование $CaCO_3$ протекает интенсивно только в присутствии влаги. Пленка углекислого кальция, образующаяся на поверхности раствора в первый период твердения, затрудняет попадание углекислоты во внутренние ее слои²².

Для улучшения технологических и эксплуатационных свойств смеси при сохранении идентичности и совместимости с историческим камнем в рамках работы было использовано смешанное вяжущее на основе извести Ковровского, доломитов Мелеховского и диатомитов Пекшинского месторождений. В табл. 2 представлены результаты исследования количественного и качественного состава сырьевых материалов.

Таблица 2. Результаты исследования количественного и качественного состава основных сырьевых компонентов

Фаза	Количество, %	Пространственная группа	Удельная поверхность, см ² /г
Известь гашеная Ковровского месторождения			
CaCO ₃	10,67	R $\bar{3}c$ (167)	800–1000
Ca(OH) ₂	89,33	R $\bar{3}m1$ (164)	
Доломиты Мелеховского месторождения			
CaMg[CO ₃] ₂	49,22	R $\bar{3}$ (148)	2700–3000
CaMg[CO ₃] ₂	48,09	R $\bar{3}$ (148)	
MgO	0,53	Fm $\bar{3}m$ (225)	
SiO ₂	0,37	P ₃₂ 21 (154)	
Диатомиты Пекшинского месторождения			
SiO ₂	77,12	P ₃₂ 21 (154)	3000–5000
Al ₂ O ₃	17,41	R $\bar{3}c$ (167)	
Fe ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	

Диатомиты, содержащие аморфный кремнезем, обеспечивают протекание пуццолановой реакции, в результате которой образуются гидросиликаты кальция. Диатомит как ультрадисперсная добавка в виде кремнистой породы обладает

развитой поверхностью, обеспечивающей высокую реакционную способность компонентов смеси²³. Доломит обладает кристаллической структурой, обеспечивающей дополнительную прочность композиту и устойчивость к механическим повреждениям. В качестве наполнителя в разрабатываемые составы ввели кварцевый песок (фракция 0,1–0,4 мм), мраморную крошку (фракция 500 мкм) для создания более плотной кристаллической структуры.

Введение поликарбонатного пластификатора в реставрационный композит позволяет даже при низких дозировках увеличить степень подвижности смеси и обеспечивает на длительное время прекрасную удобоукладываемость²⁴. Основные его характеристики приведены в *табл. 3*.

Таблица 3. Основные характеристики пластификатора П-17 (Макромер)

Наименование показателей	Значение
Плотность при 25°С, г/см ³	1,110±0,005
Показатель активности ионов водорода, ед. рН, в пределах	6,5–8
Содержание сухих веществ, % масс.	40
Вязкость динамическая при 25°С, МПа·с, в пределах	130–250

В настоящем исследовании синтезировались композиты для реставрации известняка. Целью работы является рациональный подбор природного наполнителя в качестве армирующей добавки для воссоздания исторической структуры исследуемого материала. Тема введения органических компонентов, таких как целлюлоза, белки и жирные кислоты, в известковые растворы изучена в ряде работ²⁵. Но, на данный момент, анализ литературных источников свидетельствует об отсутствии мирового опыта применения костры технической конопли при создании композиционных материалов, пригодных для реставрации, хотя волокна конопли обладают хорошими воздухопроницаемыми и влагопроницаемыми свойствами, что делает их подходящими для использования в докомпоновочных составах²⁶.

Задачей являлось создание материала с высоким коэффициентом сродства структур (близким к 1) историческому камню с высокими механическими и технологическими свойствами²⁷. В рамках предыдущих исследований были сформулированы требования по водопоглощению и пористости к докомпоновочным композитам, так как основная задача при реставрации белого камня создать композит, который позволит «дышать» историческому материалу²⁸.

Современная реставрация белого камня предполагает тщательный анализ и подбор оптимального содержания компонентов, для определения которого используют методы математического планирования эксперимента, учитывающие все необходимые параметры для восстановления исторического материала²⁹. Матрица планирования реставрационных составов, представленная в *табл. 4*, включает в себя отобранные варианты композитов, с учетом физико-химических особенностей оригинального материала³⁰.

Таблица 4. Бесцементные составы для реставрации белокаменной кладки

Марка состава	Компоненты, масс %								Свойства смеси		
	Гидратная известь Ca(OH) ₂	Диатомит SiO ₂	Доломит CaMg [CO ₃] ₂	Кварцевый песок	Поликарбонатный пластификатор П-17	Мраморная крошка М500	Костратехнической конопля	H ₂ O	Удобоукладываемость, П	Пластичность, мм	Жизнеспособность, мин.
ГВИ-1	17,2	13,73	14,3	3,73	0,042	17,79	2,9	30,308	3	64	120
ГВИ-2	16,45	14,9	12,7	4,9	0,042	16,79	2,9	31,318	3	65	120
ГВИ-3	15,6	15	10,5	5	0,042	15,7	4,1	34,058	2	70	120
ГВИ-4	16,01	15,36	11,13	5,36	0,042	16,5	4	31,598	2	68	120
ГВИ-5	15,62	14,58	13,8	4,58	0,042	16,3	3,6	31,478	3	64	120
ГВИ-6	16,03	14,56	13,8	4,34	0,042	16,9	2,6	31,728	2	68	120

Для всесторонней оценки эксплуатационных и физико-механических свойств предлагаемых реставрационных материалов были использованы доступные в современных лабораториях методики и оборудование, которые позволили оценить качество и возможность применения материалов.

В табл. 5 представлена сравнительная характеристика свойств разработанных составов в возрасте 28 суток в сравнении с результатами, полученными в ходе изучения исторического материала (известняка).

Таблица 5. Сравнительная характеристика разработанных составов и белого камня

Марка состава	Плотность, кг/м ³	Прочность на сжатие, МПа	Прочность на изгиб, МПа	Твердость по Моосу	Водопоглощение, мас. %	КЛТР, 10 ⁻⁵ °С ⁻¹	Коэффициент морозостойкости, 60 циклов	Адгезионная прочность, МПа	Усадка, % по массе	Пористость, %
ГВИ-1	1100	12,3	2,68	1-2	5,4	0,48	0,65	0,63	0,0124	8,6
ГВИ-2	1160	14,9	2,84	1-2	5,7	0,51	0,5	0,61	0,0126	8,4
ГВИ-3	1165	15,8	3,12	1-2	6,1	0,45	0,65	0,65	0,0124	8,8
ГВИ-4	1170	14,5	2,38	1-2	5,8	0,5	0,65	0,6	0,0121	8,2
ГВИ-5	1150	13,8	2,61	1-2	6,5	0,49	0,65	0,6	0,0129	8,3
Природный камень (известняк)	1910	24,8	4,75	1-2	8,8	0,44	0,75	-	-	9,7

Из *табл. 5* видно, что состав (ГВИ-3) обладает оптимальными свойствами для использования в практической деятельности. Так как при указанной концентрации вяжущих в композите протекает более полная реакции гидросиликатообразования.

Сравнение полученных результатов после проведения химического и минералогического анализа составов композитов с древним кладочным материалом свидетельствуют об идентичности кристаллических фаз и их количественного соотношения, продемонстрированных в *табл. 6*.

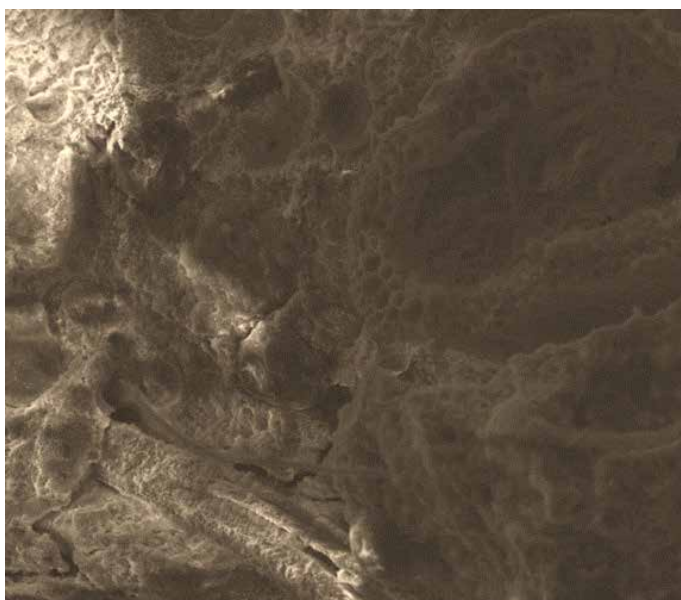
Таблица 6. Результаты исследования количественного и качественного состава белого камня и разработанного композита

Образец	Фаза	Количество, %	Пространственная группа	Параметры решетки		
				тип	a, нм	c, нм
Белый камень	SiO ₂	52,50	P ₃ 21 (154)	гекс.	4,9125	5,5038
	CaCO ₃	27,83	R $\bar{3}$ c (167)	гекс.	4,9854	17,0386
	CaMg[CO ₃] ₂	19,67	R $\bar{3}$ (148)	гекс.	4,8079	16,0100
Разработанный композит ГВИ-3	SiO ₂	51,77	P ₃ 21 (154)	гекс.	4,9125	5,5038
	CaCO ₃	25,08	R $\bar{3}$ c (167)	гекс.	4,9854	17,0386
	CaMg[CO ₃] ₂	16,67	R $\bar{3}$ (148)	гекс.	4,8079	16,0100
	Ca(OH) ₂	7,14	R $\bar{3}$ m1 (164)	гекс.	3,5790	4,9120

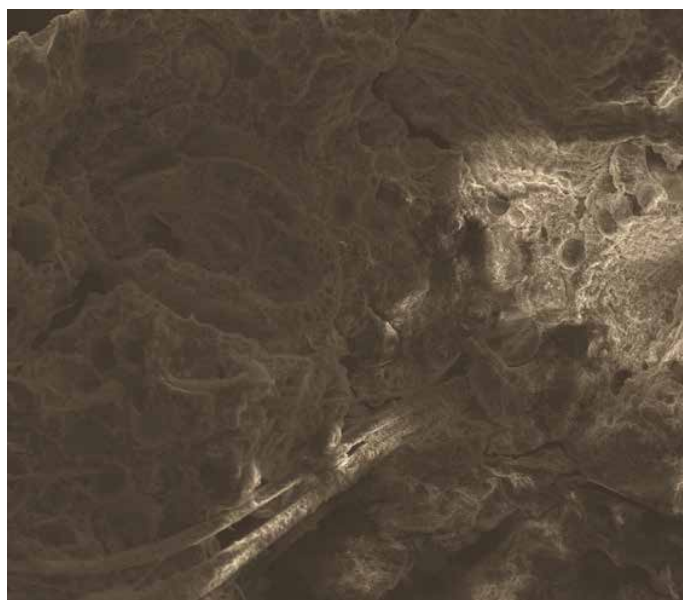
По результатам сравнения физико-механических свойств разработанных составов с белым историческим камнем можно сделать вывод о пригодности композитов при реставрации объектов культурного наследия белокаменного зодчества. Материалы являются сродными по структуре, о чем также свидетельствуют результаты растровой электронной микроскопии, представленные на *ил. 9, 10*, и расчет коэффициента сродства структур ($k=0,86$). Из иллюстраций видно, что при разрешении 200 мкм и в том и в другом образце просматривается плотная кристаллическая структура, причем кристаллы имеют одинаковую вытянутую форму с плотно прилегающими слоями, лишенными крупных пор.

С течением времени кладочный известняк и реставрационный состав могут быть подвержены химической коррозии из-за оседания в порах материала различных загрязнений, которые при изменении тепловлажностного режима приводят к развитию бактерий.

Для изучения биостойкости разработанных составов были проведены микологические исследования отобранного композита ГВИ-3 (искусственно подверженного грибковому поражению) и исторического камня. Образцы зараженных материалов в лабораторных условиях переносили в чашки Петри с питательной средой и исследовали методом прямого микроскопирования. Далее в лаборатории подсчитывали количество спор плесневых грибов в пробах и вычисляли содержание колониеобразующих единиц (КОЕ) на 1 дм² площади поверхности. Видовую идентификацию микроскопических (плесневых) грибов проводили по морфологическим признакам с использованием стандартных определителей.

Ил. 9.
РЭМ исторического белого камня,
увеличение 200 мкм. Фото
Л. В. Закревской, Е. А. Репина, 2024 г.

Ил. 10.
РЭМ разработанного композита ГВИ-3,
увеличение 200 мкм. Фото
Л. В. Закревской, Е. А. Репина, 2025 г.

Результаты исследования образцов двух проб (навески по 0,5 г) на наличие колоний микроскопических грибов и колоний бактерий приведены в *табл. 7*.

Таблица 7. Результаты микологического и бактериологического исследования белого камня и разработанного композита

Образец	Численность грибов, КОЕ/г	Численность бактерий, КОЕ/г
№1 (разработанный композит ГВИ-3)	0	0
№2 (исторический материал)	4560	0

В испытуемом образце №1 (разработанный композит ГВИ-3, подверженный испытаниям на долговечность) наличие роста колоний микроскопических грибов и колоний бактерий не обнаружено. В образце №2 (исторический материал) численность грибов достигает 4560 КОЕ/г. Среди выявленных микромицетов отмечены микроорганизмы продуценты грибов рода *Aspergillus*, в том числе *Aspergillus flavus*. Исследования показали, что разработанный состав устойчив к грибным поражениям, что позволяет прогнозировать его биологическую стойкость на долгий период службы по сравнению с историческим материалом. Результаты исследования доказывают, что и костра, и известь обладают синергетической способностью высокой биологической активности и совместно оказывают положительное влияние на долговечность кладочного материала и штукатурных слоев.

Заключение

На территории Владимиро-Суздальского княжества найдено большое количество подтверждений расселения финно-угорских племен (мурома, меря). К их религиозным традициям относится строительство капищ на возвышенных местах по берегам рек, где впоследствии строятся славянские храмы. Угро-финны, занимающиеся рыболовством и охотой, мирно ассимилировались славянами и имели

с ними как религиозное, так и ремесленное взаимодействие. Примерами этому служат результаты археологических раскопок на территории города Владимира и орнаментные украшения из камня на храмах, унаследованные от угорской резьбы по дереву. До настоящего времени не было опубликовано работ реставраторов на тему использования костры древними зодчими, поэтому разработка составов на основе такого органического сырья является уникальной. Составы имеют высокую биологическую стойкость, а также способность регулировать влажность в кладке и храмовом пространстве.

Важной отличительной особенностью предлагаемых для реставрации разработанных составов является сродство структур с историческим материалом. Проведенные исследования показали, что композиты обладают высокой устойчивостью к воздействию влаги, циклам замораживания-оттаивания и другим климатическим факторам, а также хорошими показателями адгезионной прочности. Разработанные составы могут быть использованы не только для реставрации кладки, но и для декоративной отделки, так как они обладают пониженной плотностью, что облегчает работу строительных конструкций. Это делает их оптимальными для восстановления наружных элементов памятников, подвергающихся интенсивному атмосферному воздействию, декоративных деталей и внутренних элементов.

Таким образом, внедрение реставрационных композитов на основе гидратной извести и костры технической конопли в реставрационные работы по сохранению белокаменных памятников представляет собой перспективное направление, которое способствует защите уникального культурного наследия от влияния времени и климатических изменений.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZUN-2024-0004, госзадание ВлГУ). Исследования проводились с использованием оборудования межрегионального многопрофильного и междисциплинарного центра коллективного пользования перспективных и конкурентоспособных технологий по направлениям развития и применения в промышленности / машиностроении отечественных достижений в области нанотехнологий (соглашение №075-03-2024-112 от 17.01.2024 г.).

Примечания

1. *Гаранин Л. А.* Сохранение исторического культурного наследия финно-угорских народов // Финно-угроведение. 2007. №1. С. 3 – 4.

2. *Юрчёнков В. А. и др.* Финно-угорские народы России: генезис и развитие: учеб. пособие / В. А. Юрчёнков, Г. А. Куршева, А. В. Чернов, Е. Н. Бикейкин, С. В. Видяйкин, Т. Ю. Задкова, С. Г. Винтин; [под ред. В. А. Юрчёнкова]. Саранск : НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2011. С. 177 – 178.

3. Там же. С. 159 – 160.
4. *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб. : Наука, 1994. — 158 с.
5. *Значко-Яворский И. Л.* Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX века. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. — 497 с.
6. *Медникова Е. Ю., Пескова А. А.* Строительные растворы из архитектурных памятников южной Руси // РусАрх: Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. 2008. — URL: <http://www.rusarch.ru/mednikova2.htm> (дата обращения: 20.02.2026).
7. *Носов К. С.* Строительные растворы русских крепостей XVI – XVII вв. // Российская археология. 2009. №1. С. 152 – 161.
8. *Гацунаев К. Н.* Основные подходы к изучению древнерусских строительных материалов и технологий // Вестник МГСУ. 2011. №4. С. 111 – 115.
9. Там же.
10. *Лобзова Р. В., Носов К. С.* Петрографическая характеристика строительных растворов русских крепостей XVI – XVII вв. // Вестник РУДН. Серия: Инженерные исследования. 2009. С. 91 – 98.
11. *Заграевский С. В.* Успенский собор во Владимире: некоторые вопросы архитектурной истории // Памяти Андрея Боголюбского. Сб. ст. / сост. С. В. Заграевский, Т. П. Тимофеева. М. : Московские учебники-СиДиПресс; Владимир : [Б. и.], 2009. С. 95 – 114.
12. *Singh M., Sardesai M. M.* Cannabis sativa (Cannabaceae) in ancient clay plaster of Ellora Caves, India // Current science. 2016. №5. P. 884 – 891.
13. *Singh M. R.* Scientific Preservation of Ajanta Murals. 2015. P. 188.
14. *Кошина О. В., Скворцова Л. Г.* «Мордовский шёлк»: коноплеводство в Мордовии в 1930 – 1950-е гг. // Экономическая история. 2019. Т. 15. №3. С. 274 – 288.
15. *Юрчёнков В. А. и др.* Финно-угорские народы России. С. 164 – 165.
16. *Седов В. В.* Успенский собор во Владимире и архитектура князя Андрея Боголюбского // Архитектурная археология. 2023. №5. С. 7 – 28.
17. *Заграевский С. В.* Указ. соч. С. 95 – 114.
18. *Татарина Д. В., Шкуро А. Е., Кривоногов П. С.* Получение и исследование свойств древесно-полимерных композитов с кострой конопли // Вестник Технологического ун-та. 2020. Т. 23. №3. С. 76 – 80.
19. *Singh M. R.* Op. cit. P. 188.
20. *Репина Е. А., Закревская Л. В.* Композиционный материал для реставрации на основе органического сырья природного происхождения // Техника и технология силикатов. 2023. Т. 30. №4. С. 365 – 374.

21. Логанина В. И., Давыдова О. А., Карпова О. В. Известковые составы для реставрации и отделки зданий и сооружений // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2012. №4 (140). С. 280 – 283.

22. Нестеров Л. Л., Леонтьев Д. В. Стадии гидратации извести при различном водотвердом отношении // Вестник Югорского гос. ун-та. 2010. №4. С.33 – 38.

23. Логанина В. И. Эффективность применения в отделочных известковых составах модифицированного диатомита // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2012. №2. С. 17 – 19.

24. Поторочина С. А., Новикова В. А., Гордина А. Ф. Влияние поликарбоксилатного пластификатора на технические параметры гипса // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2015. Т. 1. №3. Научный рецензируемый электронный журнал. — URL: <http://vestnik-nauki.ru/> (дата обращения: 20.11.2025).

25. Логанина В. И., Гарькина И. А., Ткач Е. В., Степина И. В. Структурообразование известковых композитов с добавками полисахаридов // Нанотехнологии в строительстве. 2024. Т. 16. №3. С. 211 – 217.

26. Репина Е. А., Закревская Л. В. Композиционный материал для реставрации на основе органического сырья природного происхождения // Техника и технология силикатов. 2023. Т. 30. №4. С. 365 – 374.

27. Шангина Н. Н., Сафонова Т. Ю. Влияние минеральных добавок на усадочные деформации камня из известкового раствора // Вестник гражданских инженеров. 2021. №2. С. 142 – 149.

28. Королева Т. В., Князева В. П. Современные требования к качеству белого камня для выбора по функциональному назначению // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции. Сб. ст. Москва, 03–07 апреля 2017 года. М. : Московский архитектурный институт (государственная академия), 2017. С. 264 – 266.

29. Зайцева М. В. Обеспечение качества известковых составов для реставрации и отделки стен зданий // ALITinform: Цемент. Бетон. Сухие смеси. 2022. №4 (69). С. 32 – 39.

30. Королева Т. В., Князева В. П. Указ. соч. С. 264 – 266.

1. *Garantin L. A. Soxranenie istoricheskogo kul`turnogo naslediya finno-ugorskix narodov // Finno-ugrovedenie. 2007. №1. S. 3 – 4.*

2. *Yurchyonkov V. A. i dr. Finno-ugorskie narody` Rossii: genezis i razvitie: ucheb. posobie / V. A. Yurchyonkov, G. A. Kursheva, A. V. Chernov, E. N. Bikejkin, S. V. Vidyajkin, T. Yu. Zadkova, S. G. Vintin; [pod red. V. A. Yurchyonkova]. Saransk : NII gumanitarny`x nauk pri Pravitel`stve Respubliki Mordoviya, 2011. С. 177 – 178.*

3. Там же. С. 159 – 160.

4. *Rappoport P. A. Stroitel`noe proizvodstvo Drevnej Rusi (X–XIII vv.). SPb. : Nauka, 1994. — 158 s.*

5. *Znachko-Yavorskij I. L.* Ocherki istorii vyazhushhix veshhestv ot drevnejshix vremen do serediny XIX veka. M.; L. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. — 497 s.
6. *Mednikova E. Yu., Peskova A. A.* Stroitel'ny'e rastvory iz arhitekturny'x pamyatnikov yuzhnoj Rusi // RusArx: E'lektronnaya nauchnaya biblioteka po istorii drevnerusskoj arhitekturny'x. 2008. — URL: <http://www.rusarch.ru/mednikova2.htm> (data obrashheniya: 20.02.2026).
7. *Nosov K. S.* Stroitel'ny'e rastvory russkix krepostej XVI – XVII vv. // Rossijskaya arheologiya. 2009. №1. S. 152 – 161.
8. *Gaczunaev K. N.* Osnovny'e podxody k izucheniyu drevnerusskix stroitel'ny'x materialov i tehnologij // Vestnik MGSU. 2011. №4. S. 111 – 115.
9. Tam zhe.
10. *Lobzova R. V., Nosov K. S.* Petrograficheskaya karakteristika stroitel'ny'x rastvorov russkix krepostej XVI – XVII vv. // Vestnik RUDN. Seriya: Inzhenerny'e issledovaniya. 2009. S. 91 – 98.
11. *Zagraevskij S. V.* Uspenskij sobor vo Vladimire: nekotory'e voprosy arhitekturnoj istorii // Pamyati Andrey a Bogolyubskogo. Sb. st. / sost. S. V. Zagraevskij, T. P. Timofeeva. M. : Moskovskie uchebniki-SiDiPress; Vladimir : [B. i.], 2009. S. 95 – 114.
12. *Koshina O. V., Skvorczova L. G.* «Mordovskij shyolk»: konoplevodstvo v Mordovii v 1930 – 1950-e gg. // E'konomicheskaya istoriya. 2019. T. 15. №3. S. 274 – 288.
13. *Yurchyonkov V. A. i dr.* Finno-ugorskie narody Rossii. C. 164 – 165.
14. *Sedov V. V.* Uspenskij sobor vo Vladimire i arhitektura knyazya Andrey a Bogolyubskogo // Arhitekturnaya arheologiya. 2023. №5. S. 7 – 28.
15. *Zagraevskij S. V.* Ukaz. soch. S. 95 – 114.
16. *Tatarinova D. V., Shkuro A. E., Krivonogov P. S.* Poluchenie i issledovanie svojstv drevesno-polimerny'x kompozitov s kostroj konopli // Vestnik Teknologicheskogo un-ta. 2020. T. 23. №3. S. 76 – 80.
17. *Repina E. A., Zakrevskaya L. V.* Kompozicionny'j material dlya restavracii na osnove organicheskogo syr'ya prirodnoho proizsozhdeniya // Teknika i tekhnologiya silikatov. 2023. T. 30. №4. S. 365 – 374.
18. *Loganina V. I., Davy'dova O. A., Karpova O. V.* Izvestkovy'e sostavy dlya restavracii i otdelki zdaniy i sooruzhenij // Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta. 2012. №4 (140). S. 280 – 283.
19. *Nesterov L. L., Leont'ev D. V.* Stadii gidratacii izvesti pri razlichnom vodotverdom otnoshenii // Vestnik Yugorskogo gos. un-ta. 2010. №4. S.33 – 38.
20. *Loganina V. I.* E'ffektivnost' primeneniya v otdelochny'x izvestkovy'x sostavax modifi-cirovannogo diatomita // Vestnik BGTU im. V. G. Shuxova. 2012. №2. S. 17 – 19.

24. *Potorochina S. A., Novikova V. A., Gordina A. F.* Vliyanie polikarboksilatnogo plas-tifikatora na texnicheskie parametry` gipsa // Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii. 2015. T. 1. №3. Nauchnyj recenziruemyj e`lektronnyj zhurnal. -- URL: <http://vestnik-nauki.ru/> (data obrashheniya: 20.11.2025).

25. *Loganina V. I., Gar`kina I. A., Tkach E. V., Stepina I. V.* Strukturnoobrazovanie izvestkovy`x kompozitov s dobavkami polisaxaridov // Nanotexnologii v stroitel'stve. 2024. T. 16. №3. S. 211 – 217.

26. *Repina E. A., Zakrevskaya L. V.* Kompozicionnyj material dlya restavratsii na osnove organicheskogo sy`rya prirodnoho proizsozhdeniya // Texnika i texnologiya silikatov. 2023. T. 30. №4. S. 365 – 374.

27. *Shangina N. N., Safonova T. Yu.* Vliyanie mineral`ny`x dobavok na usadochny`e defor-macii kamnya iz izvestkovogo rastvora // Vestnik grazhdanskix inzhenerov. 2021. №2. S. 142 – 149.

28. *Koroleva T. V., Knyazeva V. P.* Sovremennye`e trebovaniya k kachestvu belogo kamnya dlya vy`bora po funkcional`nomu naznacheniyu // Nauka, obrazovanie i e`ksperimental`noe proektirovanie. Trudy` MARXI: Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konfer-encii. Sb. st. Moskva, 03–07 aprelya 2017 goda. M. : Moskovskij arxitekturnyj institut (gosudarstvennaya akademiya), 2017. S. 264 – 266.

29. *Zajceva M. V.* Obespechenie kachestva izvestkovy`x sostavov dlya restavratsii i otdelki sten zdaniy // ALITinform: Cement. Beton. Suxie smesi. 2022. №4 (69). S. 32 – 39.

30. *Koroleva T. V., Knyazeva V. P.* Ukaz. soch. S. 264 – 266.

Список сокращений

ИАСЭ — Институт архитектуры, строительства и энергетики

РЭМ — Растровая электронная микроскопия

ВлГУ — ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Сведения об авторах

Закревская Любовь Владимировна — кандидат технических наук;
ФГБОУ ВО ВлГУ, ИАСЭ, доцент кафедры «Строительное производство»
Российская Федерация, 600000, Владимирская обл.,
Владимир ул. Горького, д. 87
E-mail: lvzak@mail.ru

Репина Елизавета Анатольевна — ФГБОУ ВО ВлГУ, ИАСЭ, инженер-исследователь кафедры «Строительное производство»
Российская Федерация, 600000, Владимирская обл.,

Владимир ул. Горького, д. 87
E-mail: elizavetarepina64@gmail.com

Кошчев Артем Андреевич — кандидат технических наук; ФГБОУ ВО ВлГУ,
ИАСЭ, доцент кафедры «Строительное производство»
Российская Федерация, 600000, Владимирская обл.,
Владимир, ул. Горького, д. 87
E-mail: koshcheev.university@mail.ru

Zakrevskaya Lyubov V. — Candidate of Technical Sciences; Vladimir State
University, Institute of Architecture, Construction and Energy, Associate Professor
of the Department of Construction Production
87, Gorky St., Vladimir, Vladimir Region, 600000, Russian Federation
E-mail: lvzak@mail.ru

Repina Elizaveta Anatolyevna — Vladimir State University, Institute of Architecture,
Construction and Energy, Research engineer at the Department of Construction
Production
87, Gorky St., Vladimir, Vladimir Region, 600000, Russian Federation
E-mail: elizavetarepina64@gmail.com

Koscheev Artem A. — Candidate of Technical Sciences; Vladimir State University,
Institute of Architecture, Construction and Energy, Associate Professor
of the Department of Construction Production
87, Gorky St., Vladimir, Vladimir Region, 600000, Russian Federation
E-mail: koshcheev.university@mail.ru

О. Г. Кирьянова

СОХРАНЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЯХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В статье анализируются предпосылки создания церковных музеев в дореволюционной России, а также выявляется их роль в сохранении художественного наследия на современном этапе. Проблема неудовлетворительного состояния памятников отечественной материальной культуры, особенно произведений средневекового религиозного искусства, остро встала перед российским обществом еще в начале XIX столетия. Значительная часть таких памятников находилась в православных храмах и монастырях. Основным местом хранения икон, иллюминированных рукописей и книг, произведений декоративно-прикладного искусства и текстильных изделий, предназначенных для богослужебного использования, а также вещей, не имеющих храмового назначения, но ценных в историческом или мемориальном отношении, служили церковные ризницы и библиотеки. К сожалению, долговременное отсутствие системного подхода со стороны Церкви к контролю за сохранностью этой части отечественного культурного наследия, равно как и объективного понимания ценности памятников для отечественной истории и культуры, иногда приводило к их утрате. Озабоченность сложившейся ситуацией со стороны научного сообщества, а также наиболее образованной части православного духовенства, вызвала к жизни общественные инициативы по созданию музеев. В первой половине XIX века также начал актуализироваться вопрос музеефикации православного наследия силами самой Церкви. В музеи и древлехранилища, создававшиеся при различных церковных организациях, из храмов и ризниц передавались наиболее примечательные предметы с целью их сохранения, изучения и экспонирования. Процесс создания сети церковных музеев, прерванный событиями 1917 г., был возобновлен во второй половине прошлого века. К настоящему времени Русская православная церковь располагает примерно тремястами музейными учреждениями, преимущественно комплексного профиля, где, в частности, хранится и презентуется художественное наследие.

Ключевые слова: церковный музей, древлехранилище, культурное наследие, художественное наследие, икона, религиозное искусство, Русская православная церковь, Патриаршая палата церковного искусства.

O. G. Kiryanova

PRESERVATION OF ARTISTIC HERITAGE IN THE MUSEUMS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

The article analyzes the prerequisites for the creation of church museums in pre-revolutionary Russia, and also identifies their role in preserving the artistic heritage at the present stage. The problem of the unsatisfactory condition of the objects of Russian material culture, especially the works of medieval religious art, became acute for Russian society in the early 19th century. A significant number of such artifacts were located in Orthodox churches and monasteries. Church vestries and libraries were the main places where icons, illuminated manuscripts and books, works of decorative and applied art, and textiles intended for liturgical use, as well as items that were not intended for church use but were valuable for historical or memorial reasons, were stored. Unfortunately, the long-term lack of a systematic approach from the Church to the monitoring of condition of this part of the country's cultural heritage, as well as the lack of an objective understanding of the value of these artifacts for Russian history and culture, has sometimes led to their loss. The concerns of the scientific community, as well as the most educated part of the Orthodox clergy, have led to public initiatives to establish museums. In the first half of the 19th century, the Church's own efforts to preserve and display its Orthodox heritage became increasingly relevant. The most notable items were transferred from churches and sacristies to museums and antiquities collections established by various church organizations for the purpose of preservation, study, and exhibition. However, the process of establishing a network of church museums was interrupted by the events of 1917 and was only resumed in the second half of the 20th century. Currently,

the Russian Orthodox Church has approximately three hundred museums, mostly of a complex storage, where the artistic heritage is stored and presented.

Keywords: church museum, antiquities museum, cultural heritage, artistic heritage, icon, religious art, Russian Orthodox Church, Patriarchal Chamber of Church Art.

Художественное наследие можно охарактеризовать как совокупность памятников материальной культуры, созданных художниками прошлого, опирающимися на наследие нематериальное. Эти памятники свидетельствуют о богатстве и разнообразии применявшихся для их создания инструментов и материалов, а также художественных стилей и исполнительских техник, выработанных за тысячелетия существования нашей цивилизации. Вместе с тем, каждое из таких произведений несет на себе отпечаток личности творца, обусловленный его этическими, эстетическими и мировоззренческими предпочтениями, его способностью воспринять и развить ранее существовавшую художественную традицию.

С X века отечественная культура формировалась под воздействием Православия. Этот фактор имел основополагающее значение для развития русского изобразительного искусства, которое долгое время было преимущественно религиозным, ориентированным на утилитарное храмовое использование. Утрачивая свою функциональность с течением времени, иконы, облачения и различные богослужебные предметы оседали в церковных ризницах. В ризницы и монастырские библиотеки попадали рукописные и печатные книжные памятники. Помимо внешних факторов — войн, стихийных бедствий, пожаров и краж, — на целостность и состояние ризничных и библиотечных собраний влияла и компетентность лиц, ответственных за их сохранение. К концу XVIII – первой половине XIX столетия местами сложилась порочная практика уничтожения вышедших из употребления предметов богослужебного обихода; а также поновления, а фактически переписывания, старинных фресок и икон. Церковные древности также были востребованы коллекционерами, особенно старообрядцами — собирателями икон «дониконовского письма». Утрачивались и произведения монументального искусства.

Осознание масштаба этой проблемы наиболее просвещенными представителями русского общества, равно как и стремление сохранить исторические объекты отечественной материальной культуры в целом, в середине – второй половине XIX века вызвало к жизни многочисленные общественные инициативы по созданию музеев, где эти памятники могли бы сохраняться, изучаться специалистами и служить народному просвещению. В лице наиболее образованных своих представителей не осталась в стороне от этого процесса и Российская Православная Церковь. Если на начальном этапе попытки священноначалия сохранить памятники художественного наследия ограничивались требованиями составления подробных ризничных описей, а также строгими запретами переделок и самовольных изъятий из храмов древних предметов, то в дальнейшем была избрана стратегия их музеефикации.

К 1917 году в Российской империи существовало свыше 70 общественных музеев, ориентированных на сохранение материального наследия религиозного назначения. В их числе было 36 церковных музеев и учреждений музейного типа, действовавших при храмах, монастырях, духовных учебных заведениях, а также

православных братствах и епархиях как церковно-административных единицах¹. Инициаторами создания таких учреждений выступали сами священнослужители или миряне из числа преподавателей духовных училищ, семинарий и академий. Так, в 1872 г. при поддержке митрополита Киевского и Галицкого Арсения был открыт Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии², в 1879 г. — музей в Санкт-Петербургской духовной академии³, у истоков создания которого стоял профессор кафедры церковной археологии и литургики Н. В. Покровский; в 1880 г. — при Московской духовной академии, благодаря усилиям ее ректора протоиерея А. Горского⁴. Экспозиционными площадками для этих музейных учреждений служили приспособленные помещения, находившиеся в церковном ведении, иногда даже пустующие и временно не используемые здания православных храмов. Например, древлехранилище Вологодской епархии, созданное в 1893 году по инициативе преподавателя местного духовного училища Н. И. Суворова, разместилось в надвратной Крестовоздвиженской церкви Архиерейского дома Вологды⁵.

Комплектование фондов этих учреждений осуществлялось путем выявления, отбора и передачи наиболее примечательных в отношении древности, церковно-исторической и художественной значимости предметов из церковных ризниц. Поступали они и из частных собраний. Подавляющее большинство экспонатов представляло собой иконы и предметы церковной утвари. Вместе с тем, в церковные музеи попадали произведения религиозной живописи кисти русских и западноевропейских мастеров, а также портреты церковных иерархов XVIII – XIX вв., археологические и этнографические находки.

Вопрос сохранения художественного наследия и деятельности церковных музеев неоднократно затрагивался в ходе заседаний Поместного собора Русской Православной Церкви 1917 – 1918 гг. Так, в п. 13 Соборного деяния 5 «О епархиальном управлении» вносится следующее установление: «В каждой епархии действуют на основании особых уставов епархиальные церковно-археологические, церковно-исторические и церковно-певческие общества и существуют епархиальные древлехранилища»⁶. Участниками Собора совместно с В. М. Васнецовым, А. М. Васнецовым, М. В. Нестеровым, А. В. Щусевым, А. А. Захаровым и другими представителями от художественных и археологических обществ было принято решение о необходимости учреждения при Патриархе и высшем церковном управлении особой Патриаршей палаты церковного искусства и древностей. В числе задач палаты было «приведение в известность и регистрация всех памятников церковной старины, находящихся в ведении Церкви, принятие мер к охране их от порчи, гибели и отчуждения, а равно и к поддержанию неустрашимому действию времени, научное их исследование, разрешение вопросов о ремонте и реставрации памятников, заведение патриаршей ризницей и другими центральными церковно-археологическими древлехранилищами»⁷. К сожалению, эти планы остались нереализованными.

После революции, в новых общественно-политических реалиях, когда внутренняя политика государства базировалась на атеистической идеологии, внебогослужебная деятельность Русской Православной Церкви была предельно ограничена. Однако уже в первые послевоенные годы после возобновления работы московской и ленинградской Духовных академий при этих учебных заведениях вновь начинают действовать музеи. Так, уже в 1950 г. воссоздан Церковно-археологический кабинет МДА. Большой вклад в пополнение иконописного собрания ЦАК внесли Патриархи Московские и всея Руси, особенно Патриарх Алексий (Симанский),

который систематически передавал в музей уникальные иконы, получаемые им в дар в ходе зарубежных поездок. Вносили свою лепту и другие священнослужители. В отсутствие церковного музея многие иконописные памятники, зачастую весьма древние, оказались бы безвозвратно утрачены. Важной вехой на пути возрождения музейной деятельности Церкви стало открытие в 1986 году музея в московском Свято-Даниловом мужском монастыре. Музейный фонд во многом комплектовался на основе личных даров частных лиц, передававших в первый возрожденный монастырь столицы старинные семейные иконы.

Начиная с 90-х годов XX в. наметилась тенденция роста числа музеев и учреждений музейного типа при религиозных организациях Русской Православной Церкви. Закономерным результатом внутрицерковной актуализации вопросов сохранения культурного наследия музейными средствами стало принятие Священным синодом РПЦ в 2011 году типового устава епархиального музея как частного учреждения культуры. Согласно Уставу «Предметом деятельности Музея являются: исследование, сохранение и популяризация объектов культурного наследия, в том числе памятников церковной древности и истории»; а цели его деятельности включают выявление, хранение, изучение и публикацию музейных предметов и коллекций, а также восстановление объектов культурного наследия, включая объекты религиозного назначения и реставрацию культурных ценностей⁸.

К началу 2026 года в России при митрополиях, епархиях, благочиниях, монастырях, приходах, духовных и общеобразовательных школах Русской Православной Церкви действует около трехсот музейных учреждений. Они значительно разнятся между собой как по масштабу и ценности коллекций, так и организационно. Большинство не имеет фондохранилищ, а их экспозиции по сути представляют собой открытое хранение музейных предметов. Традиционными для церковных художественных собраний видами презентуемых памятников являются иконы, медное литье, мелкая пластика, произведения декоративно-прикладного искусства, включая паломнические реликвии из перламутра, распространенные в России XIX – начала XX столетия, а также лицевое шитье.

Среди структур, обладающих наиболее ценными в художественном отношении коллекциями, следует назвать Патриарший музей церковного искусства в Храме Христа Спасителя, Музей христианского искусства при Московской Духовной академии (бывший ЦАК), Церковно-археологический музей ПСТГУ, Самарский епархиальный музей, музей-ризницу «Наследие преподобного Нила» в Нило-Столобенской пустыни Тверской епархии. В последнем, помимо икон и произведений декоративно-прикладного искусства, экспонируется уникальная коллекция деревянной скульптуры – изображений преподобного Нила, типичных именно для этого места⁹. Столь же интересна коллекция работ известнейших иконописцев России второй половины XIX в. — региональных мастеров Поволжья, — в собрании Самарского епархиального музея. В их числе работы Григория Журавлева, который, будучи безруким и безногим, писал иконы, держа кисть зубами, а также палешан братьев Белоусовых¹⁰.

Помимо художественных памятников сугубо храмового назначения, ряд музеев хранит и экспонирует живописные произведения русских художников. Так, в Музее христианского искусства имеется коллекция полотен и эскизов выдающегося отечественного пейзажиста К. Ф. Юона, а также работы В. М. Васнецова, М. Н. Нестерова, В. Д. Поленова, В. И. Сурикова, К. Е. Маковского, К. В. Лебедева

и других мастеров кисти¹¹. Благодаря доступности церковных музеев, часто принимающих посетителей на безвозмездной основе, с собраниями может знакомиться самый широкий круг любителей искусств. Наряду с экспонированием и изучением памятников художественного наследия, церковные музеи организуют их реставрацию либо силами своих сотрудников, имеющих профессиональное реставрационное образование, либо в сотрудничестве с ведущими реставрационными центрами страны. Всё вышеизложенное позволяет констатировать, что музеи РПЦ вносят существенный вклад в сохранение художественного наследия России.

Примечания

1. З. К. Об охране вещественных и письменных памятников старины, находящихся в духовном ведомстве // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде: еженедельное издание с прибавлениями. СПб., 1909. №11. С. 529. — URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/69ee85df-3a5d-4b9b-8884-40c028f6d47e/37> (дата обращения: 20.01.2026).

2. Бурлыкина М. И. Церковно-археологический музей Киевской духовной академии в системе вузовских музеев дореволюционной России // Человек. Культура. Образование. 2018. №2 (28). С. 2.

3. Церковно-археологический музей при Санкт-Петербургской Духовной академии. Официальный сайт СПбДА. — URL: <https://spbda.ru/about/museum> (дата обращения: 04.08.2025).

4. Григорьева Н. В. 150-летний юбилей Церковно-археологического кабинета — музея Московской духовной академии // Богословский вестник. 2022. №1 (44). С. 232. — DOI: 10.31802/GB.2022.44.1.012

5. Виноградова Е. А. Из истории коллекции древнерусской живописи Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Вологодское древлехранилище // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: Сб. ст. по материалам науч. конф., Москва, 25 – 28 мая 2010 года. М.: ИНИКО, 2012. С. 279.

6. Определения Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. // Азбука веры: [сайт]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/opredelenija-sobora-pravoslavnoj-rossijskoj-tserkvi-1917-1918-gg/#0_5 (дата обращения: 13.01.2026).

7. Протокол №38 // Поместный Собор 1917–1918. Тексты Поместного Собора Православной Российской Церкви (1917–1918): [сайт]. — URL: <https://sobornost.online/protokol-38-5/> (дата обращения: 13.01.2026).

8. Типовой устав частного учреждения культуры «Церковного музея епархии Русской Православной Церкви // Кирьянова О. Г. Церковные музеи Центральной России: Электронное сетевое издание. М.: Институт Наследия, 2022. Приложения. С. 160. — DOI 10.34685/ NI.2022.15.77.001.

9. Музей-ризница «Наследие преподобного Нила» // Мужской монастырь Нило-Столобенская пустынь [сайт]. — URL: <https://nilostolobenskaia-pustyn.ru/museum/> (дата обращения: 22.01.2026).

10. О музее // Самарский епархиальный церковно-исторический музей [сайт]. — URL: <https://se-museum.ru/about/> (дата обращения: 22.01.2026).

11. Живопись // Музей христианского искусства: [сайт]. — URL: <https://christianmuseum.ru/c/kollektsiya/zhivopis/> (дата обращения: 22.01.2026).

1. Z. K. Ob ohrane veshhestvenny`x i pis`menny`x pamyatnikov stariny`, naxodyas-hixsya v duxovnom vedomstve // Cerkovny`e vedomosti, izdavaemy`e pri Svyatejshem Pravitel`stvuyushhem Sinode: ezhenedel`noe izdanie s pribavleniyami. SPb., 1909. №11. S. 529. — URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/69ee85df-3a5d-4b9b-8884-40c028f-6d47e/37> (дата обращения: 20.01.2026).

2. *Burly`kina M. I.* Cerkovno-arxeologicheskij muzej Kievskoj duxovnoj akademii v sisteme vuzovskix muzeev dorevolucionnoj Rossii // Chelovek. Kul`tura. Obrazovanie. 2018. №2 (28). S. 2.

3. Cerkovno-arxeologicheskij muzej pri Sankt-Peterburgskoj Duxovnoj akademii. Oficial`nyj sajt SPBDA. — URL: <https://spbda.ru/about/museum> (дата обращения: 04.08.2025).

4. *Grigor`eva N. V.* 150-letnij yubiley Cerkovno-arxeologicheskogo kabineta — muzeya Moskovskoj duxovnoj akademii // Bogoslovskij vestnik. 2022. №1 (44). S. 232. — DOI: 10.31802/GB.2022.44.1.012

5. *Vinogradova E. A.* Iz istorii kollekcii drevnerusskoj zhivopisi Vologodskogo gosudarstvennogo istoriko-arxitekturnogo i xudozhestvennogo muzeya-zapovednika. Vologodskoe drevlexranilishhe // Istoriya sobiraniya, xraneniya i restavracii pamyatnikov drevnerusskogo iskusstva: Sb. st. po materialam nauch. konf., Moskva, 25 – 28 maya 2010 goda. M.: INIKO, 2012. S. 279.

6. Opredeleniya Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917 – 1918 gg. // Azbuka very: [sajt]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/opredeleniya-sobora-pravoslavnoj-rossijskoj-tserkvi-1917-1918-gg/#0_5 (дата обращения: 13.01.2026).

7. Protokol №38 // Pomestnyj Sobor 1917–1918. Teksty` Pomestnogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi (1917–1918): [sajt]. — URL: <https://sobornost.online/protokol-38-5/> (дата обращения: 13.01.2026).

8. Tipovoj ustav chastnogo uchrezhdeniya kul`tury` «Cerkovnogo muzeya eparxii Ruskoj Pravoslavnoj Cerkvi // *Kir`yanova O. G.* Cerkovny`e muzei Central`noj Rossii: E`lektronnoe setevoe izdanie. M.: Institut Naslediya, 2022. Prilozheniya. S. 160. — DOI 10.34685/ HI.2022.15.77.001.

9. Muzej-riznicza «Nasledie prepodobnogo Nila» // Muzhskoj monasty`r` Nilo-Stolobenskaya pustyn` [sajt]. — URL: <https://nilostolobenskaia-pustyn.ru/museum/> (дата обращения: 22.01.2026).

10. О музее // Самарский епархиальный церковно-исторический музей [сайт]. — URL: <https://se-museum.ru/about/> (дата обращения: 22.01.2026).

11. Живопись // Музей христианского искусства: [сайт]. — URL: <https://christianmuseum.ru/c/kollektsiya/zhivopis/> (дата обращения: 22.01.2026).

Список сокращений

МДА — Московская духовная академия

ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

РПЦ — Русская Православная Церковь

ЦАК — Церковно-археологический кабинет

Сведения об авторе

Кирьянова Ольга Геннадьевна — ФГБНИУ «ГОСНИИР», младший научный сотрудник научно-организационного отдела

Российская Федерация, 107014, Москва, ул. Гастелло, д. 44, стр. 1

E-mail: psk-ok@mail.ru

Kiryanova Olga G. — The State Research Institute for Restoration, junior research associate of the Scientific and Organizational Department

44-1, Gastello St., Moscow, 107014, Russian Federation

E-mail: psk-ok@mail.ru

Е. В. Смоленчук, Ю. В. Хребтова

ГИДРОФИЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТИЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ХИМИЧЕСКИХ ИСКУССТВЕННЫХ ГИДРАТЦЕЛЛЮЛОЗНЫХ ВОЛОКОН КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПОДБОРА РЕСТАВРАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются перспективы исследования и реставрации группы химических текстильных материалов в рамках существующей дисциплинарной матрицы. Исторический текстиль нового и новейшего времени из химических волокон обладает свойствами, в разной степени отличающимися его от натуральных текстильных материалов природного происхождения, что сказывается на аспектах старения и требует иного подхода при организации процессов хранения реставрации и консервации. В рамках статьи предлагается рассмотреть все исторические текстильные материалы с точки зрения базовых свойств, которые определяют основные технологии выделки, выработки, отделки и последующего бытования. Ключевой для обеспечения существующих реставрационных технологий предлагается считать группу гидрофильных свойств, характерных для текстильных материалов натурального происхождения. Гидрофильные свойства определяют реакцию на колебания температурно-влажностного режима, что провоцирует процессы усадки и основной механический износ, а также являются основанием для подбора реставрационных технологий. На основании гидрофильных свойств акцентируется внимание на двух основных группах исторических материалов, которые также обеспечены разной реакцией на воздействие температуры. Это позволяет ограничить группу гидрофобных текстильных материалов, которая требует отдельной работы по подбору и обоснованию методов их реставрации, выходящих за рамки существующих подходов. Основное внимание уделяется группе гидрофильных химических искусственных гидратцеллюлозных волокон, которые по своим свойствам приближены к натуральным. На примере этого типа волокон рассматриваются особенности реакции материалов на воздействие влаги и возможность дальнейшего мониторинга и экспериментов с целью подбора реставрационных технологий.

Ключевые слова: исторические текстильные материалы; исторические ткани; исторические химические волокна; исторические искусственные волокна; консервация исторических тканей; исследование исторических тканей; исторические гидратцеллюлозные волокна; гидрофильные свойства исторических материалов.

E. V. Smolenchuk, Yu. V. Khrebtova

HYDROPHILIC PROPERTIES OF HISTORICAL TEXTILE MATERIALS MADE FROM CHEMICAL ARTIFICIAL HYDRATED CELLULOSE FIBERS AS A BASIS FOR SELECTING RESTORATION TECHNOLOGIES

The article examines the perspectives of research and restoration of a group of chemical textile materials within the existing disciplinary matrix. Historical textiles of the modern and contemporary periods, made from chemical fibers, have properties that, to varying degrees, differentiate them from natural textile materials of organic origin. They impact their aging processes and lead to a different approach to organizing storage, restoration, and conservation. Within the scope of this article, it is proposed to consider all historical textile materials from the perspective of their basic properties, which determine the fundamental technologies of their production, manufacturing, finishing, and subsequent use. A group of hydrophilic properties, specific to the natural textile materials, is considered as a key to for determining the existing restoration techniques. Hydrophilic properties dictate the reaction to fluctuations in temperature and humidity, which provoke shrinkage processes and primary mechanical wear, and also form the basis for selecting restoration techniques. Based on the hydrophilic properties, attention is focused on two main groups of historical materials that also exhibit different reactions to temperature exposure.

This allows to limit the group of hydrophobic textile materials, which require separate work on selecting and justifying restoration methods that go beyond existing approaches. The primary focus is made on the group of hydrophilic, chemically manufactured hydrated cellulose fibers, which are close to natural materials in their properties. Using this type of fiber as an example, the article examines the aspects of the materials' reaction to moisture exposure and the potential for further monitoring and experimentation to select restoration techniques.

Keywords: historical textile materials; historical fabrics; historical chemical fibers; historical artificial fibers; conservation of historical fabrics; research of historical fabrics; historical hydrated cellulose fibers; hydrophilic properties of historical materials.

Исторические текстильные материалы, выработанные в XX веке с применением химических волокон, в последнее время становятся предметом всё более пристального внимания исследователей и реставраторов. Чаще стали появляться научные работы на эту тему, всё подробней рассматриваются возникающие прецеденты реставрации предметов из текстиля с их применением. В первую очередь это связано с повышением общественной значимости произведений с использованием химических волокнистых материалов, их востребованностью для экспозиционных задач. Но, что важнее, начала проявляться специфика старения, сильно отличающаяся от привычного образа старения традиционных природных волокон, что в свою очередь заставляет нас по-другому относиться к сложившимся методам и подходам, используемым в реставрации текстиля.

Если в общем рассматривать существующие методы работы с предметами из исторического текстиля, то следует отметить, что до последнего времени практика их исследования и реставрации складывалась исключительно на основании опыта работы с традиционными материалами из натуральных волокон — полученных в результате переработки природных волокнистых веществ. Основные из этих веществ и наиболее характерные для Европейской цивилизации и зоны ее влияния — волокна животного происхождения: шелк и шерсть, и растительного: лубяные волокна льна и конопли, хлопок. Продукты переработки этих видов сырья составили основной исторический ассортимент европейских текстильных материалов, начиная с доисторических времен, вплоть до конца XIX столетия. Разнообразие продуктов формировалось не только за счет собственных физических и химических свойств исходных волокон, но и за счет применения различных методов их выделки, выработки и модификации в рамках технологического цикла. На развитие и изменение этих методов влияли погодные условия, открытия в области техники и текстильной химии, но в целом, в рамках культуры обработки одного типа сырья, можно рассуждать об относительном однообразии применяемого технологического цикла, который прослеживается со времен античности до наших дней. В качестве примера этому можно привести существующий цикл обработки льняного луба, который сохранил традиционные методы отделения волокна от стебля мочением или расстилом, сортировки и подготовки к прядению, значительные изменения коснулись лишь текстильной химии и инструментария.

То есть до конца XIX века текстильные технологии, основанные на собственных физических и химических свойствах природных волокнистых веществ, развивались относительно последовательно и формировали общую картину промышленного производства и потребления.

Представление о последовательном развитии текстильной технологии используют для трактовки параметров исторических текстильных материалов в разных научных дисциплинах. Например, внешние признаки и свойства образцов исторического текстиля принято рассматривать как источник информации о происхождении волокон, типологии сопровождающих процессов выделки и отделки, возможного текстильного инструментария¹, что позволяет соотнести их с конкретным этапом развития и местом распространения технологий и связать с общей картиной — представить образец ткани как уникальный исторический источник.

С позиции реставрационного материаловедения трактовка внешних признаков и конкретных свойств исторических текстильных материалов также строится на последовательном соотнесении базовых свойств исходных полимеров с логикой их изменений в процессе производства и искажении при последующем бытовании. Изучение и мониторинг конкретных прецедентов искажения позволяет постоянно накапливать и перерабатывать знания об изменениях базовых показателей крепости, усадки, реакции на химическую обработку, кислотно-щелочной среды и многого другого. На основании полученной картины возникла и постоянно совершенствуется серьезная технологическая надстройка из методов и материалов реставрационной отрасли, обеспечивающих процессы стабилизации не только в рамках работы с текстильными памятниками, но и в работе с другими историческими материальными комплексами, где текстиль является существенной составляющей.

С формальной точки зрения химические текстильные материалы являются прямыми наследниками и заменителями традиционных натуральных и в большинстве случаев трудноотличимы визуально. Однако, в общем ассортименте исторического текстиля их отличает ряд существенных атрибуционных признаков: материалы из химических волокон характерны только для историко-культурной картины XX и XXI веков, их производство стало возможным благодаря высоким химическим технологиям, а ареал распространения химических тканей неконкретен из-за глобализированных торговых и промышленных связей. То есть применение к ним общепринятых для текстильных памятников алгоритмов исторического исследования требует оговорок.

С точки зрения технологического и материаловедческого подхода, материалы из химических волокон также выделяются: они обладают большим диапазоном исходных гигроскопических и термических свойств, чем натуральные. Поэтому к ним применимы не все традиционные техники и материалы прикладного искусства: они требуют иного технологического цикла при выделке, специально созданных приемов и материалов отделки — красителей и аппретов, других нетрадиционных подходов при непосредственном изготовлении предметов (например, широко применяются термошвы и склейки).

Сейчас, когда материалы из химических волокон XX века стали занимать значимую позицию в ассортименте исторических текстильных материалов, задачи их исследования, хранения и консервации встали не менее остро, чем задачи сохранения произведений из природных волокон. Возможно ли вообще интегрировать химические материалы в существующую матрицу методов и подходов работы с натуральными текстильными материалами или нужно выделять их в отдельную группу и вырабатывать принципиально новые реставрационные приемы и создавать для этого новую теоретическую надстройку?

Как уже отмечалось, существенной особенностью при работе с любыми образцами исторического текстиля является необходимость исследовать конечный продукт, уже прошедший все циклы обработки и искаженный старением. Одним из наиболее информативных показателей при исследовании является определение типа исходного полимера, для которого вполне возможно использование неразрушающих методов или достаточно микродозы вещества. У материалов из природного сырья знание об исходном полимере позволяет сделать почти однозначный вывод о базовых физических и химических характеристиках исследуемого образца и дает возможность спрогнозировать изменение свойств, опираясь на знания о циклах обработки и особенностях старения.

В случае исследования образца текстиля из химических волокон знание об исходном полимере оставляет много вопросов. Основные типы исходных химических волокнистых полимеров имеют разнообразные модификации свойств. Например, термостойкость полиамида (нейлона) зависит от типа его модификации и может колебаться в диапазоне от 80 до 370°C². Также типы полиамида (нейлона) имеют разную степень устойчивости к воздействию ультрафиолета. Поэтому, чтобы оценить реальные физические и химические свойства полиамидных волокон, использованных для создания предмета (а именно — температуру плавления, стеклования, светостойкость и пр.), понимания исходного полимера недостаточно. А чтобы выяснить тип модификации и для выяснения конкретных базовых свойств соотнести его с техническими условиями, требуются дополнительные органолептические методы с бóльшим количеством исследовательского материала³, что не всегда возможно и противоречит принципам применения неразрушающих методов исследований. Кроме того, задачи изучения отягощает повсеместное использование химически модифицированных и смесовых текстильных материалов, неоднородных на уровне исходного полимера, и повсеместное применение разных видов химических отделок.

В общем, ситуация складывается так, что в памятнике текстиля XX века мы всегда можем подозревать наличие материалов химического происхождения. Однако выяснить каких именно, на каком этапе выработки ткани они были введены, и какими конкретными свойствами они обладают, можем не всегда. Также размыто выглядят перспективы изучения типов деградации химических материалов, которые еще только начали проявляться⁴.

Большим подспорьем для определения типа материала в предмете может быть конкретная позиция ассортимента, для производства которой подбирались материалы, соответствующие ГОСТу, или с уникальными эксплуатационными свойствами. Например, строгим техническим требованиям должны соответствовать пуленепробиваемые материалы (кевлар) в военном деле, химически инертные фильтры в машиностроении. Наличие конкретных потребительских свойств также говорит об использовании конкретных материалов (полиуретановые волокна для эластичности в материалах одежной группы, хлорин для огнестойкой обивки в общественных зданиях). Эта закономерность в применении тех или иных волокон позволяет исследовать и охарактеризовать тип их деградации на начальном этапе.

В настоящее время специалистами выделен ряд признаков деструкции, характерных для старения химических волокон. Некоторые из этих признаков визуально сходны с такими же проявлениями деструкции у натуральных волокон, однако различны их причины и возможности устранения⁵. В качестве примера можно

привести устойчивые деформации у предметов из полиамидных волокон, для устранения которых невозможно применять ординарные методы — отдаленное увлажнение, прессование, температурное воздействие: в случае с полиамидом это может привести к необратимым повреждениям и разрушениям.

Какие же конкретно свойства химических волокон могут быть препятствием для применения существующих реставрационных технологий, отработанных на материалах природного происхождения?

Основные принципы существующих реставрационных текстильных технологий были сформулированы на базе полученных представлений о деградации природных материалов как реакции на старение: собственного износа материалов в результате длительного и однообразного воздействия внешних факторов⁶. Наиболее существенными внешними факторами старения принято считать влажность, температуру и воздействие ультрафиолетовых лучей. И если воздействие ультрафиолета всегда имеет оговорку — напрямую зависит от условий хранения, то связка показателей температуры и влажности непременно сопровождает все процессы создания и бытования предмета любого происхождения. Влажность и температура стимулируют изменение метрических параметров внутренних и внешних структурных показателей текстильных материалов, что, в свою очередь, обеспечивает процессы усадки и в случае значительных колебаний усиливает механический износ. Интенсивность этого износа зависит от собственных гидрофильных свойств материалов, которые характеризуют способность поглощать и удерживать влагу. Помимо деградации от старения эти свойства также влияют на возможность восприятия реставрационных составов, степень загрязняемости, электризуемость и многое другое. То есть сами по себе гидрофильные свойства волокнистых веществ являются факторами, определяющими процессы создания предметов, их старения и последующей консервации.

С точки зрения воздействия реставрационных методов, отработанных на натуральных волокнистых материалах, связанных с причинами старения под воздействием температуры и влаги, наиболее существенными мы можем считать параметры гидрофильности и термопластичности, которые соотносятся между собой. Так, рассматривая в целом спектр исторических текстильных материалов, как традиционных натуральных, так и химических с точки зрения гидрофильности, можно выделить две большие группы⁷: гидрофильные и нетермопластичные (термореактивные), гидрофобные и термопластичные (нетермостойкие). К гидрофильным относятся все натуральные волокна целлюлозного и белкового происхождения, а также искусственные гидратцеллюлозные волокна, а к гидрофобным — искусственные эфирцеллюлозные и все синтетические (кроме поли-винил-спиртовых).

Очевидно, что для группы гидрофобных волокон реставрационные технологии, связанные с использованием влаги, будут малоэффективны: гидрофобность фактически означает несмачиваемость, когда вода скатывается с поверхности, не вступая во взаимодействие. Конечно, при производстве для ряда материалов этой группы применяются методы облагораживания с целью придания гидрофильных свойств: это происходит за счет увеличения пористости, усложнения структурных свойств и другими способами. Однако и в случае с облагороженными материалами для применения ординарных методов реставрации серьезным препятствием становится их термопластичность и сопровождающие ее термочувствительность, нестойкость к изгибам, охрупчение, способность к стеклованию и многое другое.

На основании сказанного можно сделать вывод, что для любых материалов гидрофобной группы важнее рассматривать неординарные методы, связанные с очень ограниченным температурным режимом (например, индивидуальные ограничения на использование термоклей), запретом на применение ряда органических растворителей. Эти особенности, продиктованные собственными свойствами материалов, однозначно потребуют дополнительных экспериментов и должны повлиять на весь сложившийся протокол реставрационных исследований.

Возможности применения ординарных методов реставрации к группе гидрофильных химических волокон также требуют отдельного рассмотрения.

Как уже отмечалось, существенным отличием работы с историческим текстилем является тот факт, что мы имеем дело с предметом исследования, обладающим измененными технологией и искаженными бытованием базовыми свойствами. Гидрофильные свойства исследуемого исторического образца могут значительно отличаться от базовых свойств исходного полимера, из которого он выполнен. Исследование образца, сравнение с предполагаемыми базовыми параметрами исходного полимера и последующая трактовка полученных данных с учетом особенностей изготовления и бытования предмета позволяют уточнить данные о сохранности предмета.

В рамках изучения гидрофильных свойств возможно рассматривать целый ряд показателей, среди которых:

- изменения геометрических параметров в процессе поглощения влаги;
- особенности капиллярного смачивания;
- изменения прочности при увлажнении;
- способность к удержанию влаги;
- сопровождающие смачивание температурные аспекты;
- зависимость влагопоглощения от пористости и многие другие⁸.

Очевидно, что каждый показатель гидрофильности нужно рассматривать отдельно, исходя из задач исследования и применения конкретного метода реставрации. Однако, опираясь на уже упомянутые общие принципы, можно выделить основные свойства, важные для стабильного протекания ординарных реставрационных процессов, связанных с влагой: степень влагопоглощения, изменение геометрических параметров в процессе усадки и потеря прочности.

Как уже отмечалось выше, гидрофильными свойствами обладают все типы натуральных целлюлозных и белковых волокон, а также искусственные гидратцеллюлозные.

Наиболее показательны гидрофильные свойства можно рассмотреть на примере группы целлюлозных волокон как натурального, так и химического искусственного происхождения (гидратцеллюлозных).

В качестве исходного полимера для производства первых химических искусственных гидратцеллюлозных волокон использовалась целлюлоза, полученная из натурального природного сырья: хлопка или древесины. При производстве эталонными свойствами для искусственных целлюлозных волокон также принимались

свойства натуральных природных волокон хлопка, состоящих на 99% из альфа-целлюлозы. Например, обязательным требованием к целлюлозе, поставляемой предприятиям искусственного волокна в середине XX века, процент альфа-целлюлозы не должен быть ниже 88%⁹. В то время как процент целлюлозы у лубяных волокон льна не превышает 80.

Первые химические искусственные гидратцеллюлозные волокна — вискозные и медноаммиачные — по своим гигиеническим свойствам были оптимально близки к традиционным натуральным и изначально даже не нуждались в существенном изменении последующего технологического цикла: они выпускались со сходными метрическими и структурными показателями, также подвергались шлихтованию, для них использовались те же красители и аппреты¹⁰. Их появление в конце XIX века как бы «пробило стену», ограничивающую начало промышленного производства от длительного периода попыток сформулировать и создать «волшебное вещество», облегчающее трудоемкие процессы получения и выделки природных волокон. Материалы из гидратцеллюлозных волокон легко влились в существующий ассортимент материалов одежной группы конца XIX века и позднее.

Наиболее распространенные из гидратцеллюлозных вискозных волокон изначально выпускались в форме моноплетей (1904 г.), а чуть позднее — коротких штапельных (1916 г.). Физические свойства моноплетей и штапельного волокна незначительно отличались друг от друга. Кроме геометрических показателей на разницу влияли параметры процесса и его аппаратное оформление (бобинный, центрифугальный или непрерывный способ формования).

Производство гидратцеллюлозных обычных волокон достигло наибольшего масштаба в первой половине XX века. Изначально они широко использовались в смесях с природными волокнами и самостоятельно как их заменители, для этого их производили со структурными и геометрическими показателями, повторяющими традиционные природные волокна хлопка, шерсти и шелка и широко применялись в смеси с ними¹¹.

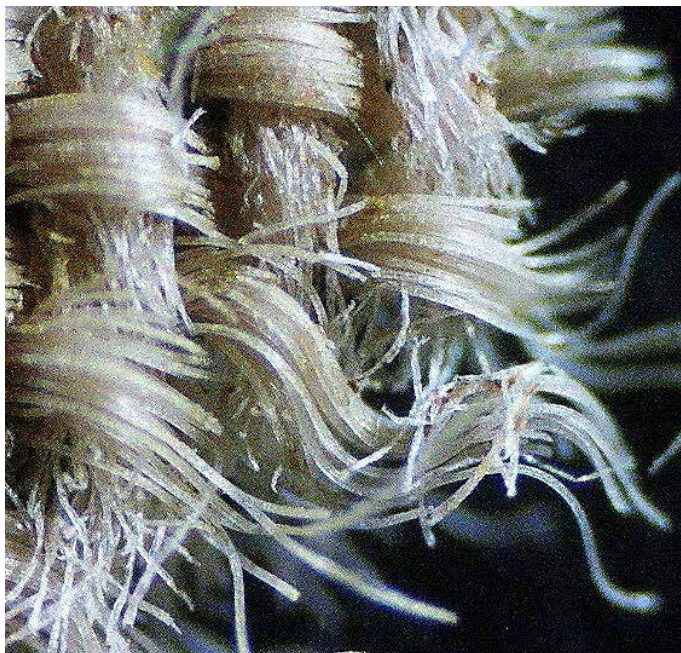
Однако в процессе бытования была выяснено, что искусственные гидратцеллюлозные волокна всё же имеют свои отличительные от натуральных особенности, которые не позволяют в полной мере применять к ним требования, которым соответствуют материалы из натуральных целлюлозных волокон.

На *ил. 1* представлен микроскопический снимок фрагмента советского знаменного шелка, выработанного с хлопчатобумажной пряжей в основе и вискозными нитями в утке в 1930-х годах. Волокна химического происхождения на фотографии отличаются визуальной ровностью поверхности и однообразием диаметра и формы среза.

Опираясь на указанные в *таблице 1* базовые параметры гидрофильности пряжи, мы можем предположить разницу в поведении одной и другой системы. Так, можно утверждать, что при относительно равнозначных способностях к влагопоглощению, искусственные волокна во влажном состоянии в значительной мере теряют крепость, а их геометрические параметры усадки имеют значительно больший диапазон, чем у хлопковых; искусственные вискозные волокна имеют самые высокие показатели набухания из всех существующих типов химических и натуральных волокон. Особенно эти свойства проявляются у исторических волокон,

после утраты ими в процессе бытования привнесенных отделочных составов, которые сдерживают процесс набухания. Диапазон усадки провоцирует большой механический износ.

В случае со знаменной тканью на *ил. 2* высокая набухаемость позволила глубже проникнуть в волокно мелкодисперсной фракции глины из почвы, которая добавила гигроскопичности всему текстильному комплексу и привела к утрате пластичности.

Ил. 1.
Фрагмент знаменного шелка полотняного переплетения с использованием пряжи из вискозных волокон в форме мононитей в утке и хлопчатобумажной пряжей в основе. СССР, до 1940 г. Макрофотография

Ил. 2.
Специфика загрязнения поверхности ткани, выработанной из искусственных и натуральных целлюлозных волокон. Фрагмент знаменного шелка полотняного переплетения с использованием пряжи из вискозных волокон в форме мононитей в утке и хлопчатобумажной пряжей в основе. СССР, до 1940 г. Макрофотография

Таблица 1. Гидрофильные свойства природных традиционных и искусственных текстильных волокон целлюлозного происхождения¹²

Наименование волокна	Влагопоглощение при 20°C и 65% влажности, %	Объемная набухаемость в воде, %	Удлинение волокна во влажном состоянии, %	Потеря прочности во влажном состоянии, %
гидрофильное натуральное хлопковое	7-9	45	8-10	Увеличение на 20
гидрофильное искусственное гидратцеллюлозное вискозное обычное, нить	13	95-120	19-28	20-50
гидрофильное искусственное гидратцеллюлозное вискозное полинозное, штапель ¹³	11	55-70	7-18	60 ¹⁴

Наименование волокна	Влагопоглощение при 20°C и 65% влажности, %	Объемная набухаемость в воде, %	Удлинение волокна во влажном состоянии, %	Потеря прочности во влажном состоянии, %
гидрофильное гидратцеллюлозное медноаммиачное ¹⁵ , нить	12,5		15–30	

Также ограничивая наше понимание свойств текстильных материалов только контролем визуальных изменений при усадке, исходя из данных, указанных в таблице, мы можем однозначно определить искусственное происхождение целлюлозных материалов на основании нетривиального поведения относительно хлопковых волокон: искусственные волокна значительно сильнее увеличиваются в объеме при увлажнении и при этом сильно теряют в крепости. То есть при равнозначных геометрических и структурных показателях образцов натурального и искусственного текстиля из целлюлозы в заданных условиях температурно-влажностного режима механический износ гидратцеллюлозных волокон в процессе усадки будет значительно выше.

Вышеописанные особенности усадки у гидратцеллюлозных волокон ограничивали возможность их применения как полноценных заменителей натуральных. В первой половине XX века был проведен ряд структурных модификаций, которые позволили сделать эти материалы более близкими по свойствам к натуральным путем устранения ряда недостатков, связанных с понижением прочности и высокой набухаемости в воде. Модифицированные волокна, в отличие от первой, обычной вискозы получили обозначение как упрочненные и высокопрочные. Помимо одежной группы, их использовали в технических целях для производства корда, транспортных лент — в качестве достойных заменителей натуральных целлюлозных.

Для применения в ассортименте одежной группы значительным недостатком воспринималась также более низкая устойчивость вискозных волокон к кислотной и щелочной обработке, что не позволяло широко использовать такой распространенный метод облагораживания целлюлозных волокон, как мерсеризация: гидратцеллюлозные волокна даже при воздействии разбавленных щелочей в комплексе с высокой температурой и кислородом воздуха значительно теряют прочность, и быстрее разрушаются. Также прочностные характеристики значительно снижаются от воздействия концентрированных кислот¹⁶.

Для устранения этого недостатка был применен метод структурной модификации, благодаря которому в Японии в 1960-х годах был получен до сих пор самый распространенный и известный в быту тип вискозы — полинозное волокно. Его фибриллярная структура приближается по структурным параметрам к тонковолокнистому хлопку. Свойства, отличающие полинозное волокно от обычной вискозы, — более низкая объемная набухаемость в воде и удлинение во влажном состоянии, что приближено к таким же показателям хлопка. И конечно, полинозное волокно более устойчиво к щелочной обработке, что позволяет более выгодно применять его в смеси с традиционными природными целлюлозными волокнами. Однако его прочность во влажном состоянии также сильно снижается.

Другой тип гидратцеллюлозных — медноаммиачные волокна, по гидрофильным свойствам сходны с вискозой, были получены ранее последней из высоко-сортной хлопковой целлюлозы, что сделало их производство дороже всех других искусственных целлюлозных материалов. Медноаммиачные волокна больше, чем вискоза, набухают в воде и лучше окрашиваются. Растворяются в концентрированных щелочах и кислотах. Производятся как в виде мононити, так и в виде штапельных волокон, характеризуются гладкой поверхностью и круглым срезом. Этот тип волокон широко используют как в смесях, так и отдельно, для изготовления изделий одежной группы лучшего качества. Медноаммиачные волокна не модифицировались, способы производства не менялись в течение XX столетия.

Таким образом можно сделать вывод, что у всех существующих типов химических и структурных модификаций гидратцеллюлозных волокон, как и у обычных, набухаемость во влажном состоянии значительно выше, чем у натуральных, а их прочность при этом значительно снижается, что увеличивает усадку и значительно повышает износ даже в стандартных условиях бытования.

Для сглаживания этих недостатков гидратцеллюлозных волокон также ограничивали применение определенных структур пряжи и ткани¹⁷. Так, на уровне пряжи исключалось использование высоких и фасонных круток в однородной пряже¹⁸.

Наиболее стабильными ткацкими структурами, ограничивающими усадку и формообразование вискозных волокон, считаются полотняное переплетение и его производные (репсовое, рогожка)¹⁹. Переплетения на основе саржевых и сатиновых воспринимаются для вискозных волокон как стимулирующие усадки и деформации. Однако, исследование взаимосвязи прочности ткани с напряжением нитей ее систем, которые в тканях полотняного переплетения наиболее оптимальные, демонстрируют, что целостность вискозных волокон лучше сохраняется именно в тканях саржевого и сатинового переплетения²⁰.

Необходимым элементом для стабилизации гидратцеллюлозных волокон считали отделочные или аппретирующие составы. Их наносили на этапе заключительной отделки. Из всех отделочных составов для тканей с применением гидратцеллюлозных волокон считалось возможным применение аппретов всех видов обратимости, подходящих для всей группы материалов из целлюлозных волокон, в том числе натуральных: например, широко применялись традиционные составы с крахмалами, основная функция которых — придание механической износостойкости. Но наиболее желательными для гидратцеллюлозных материалов были признаны малосмываемые аппреты на основе пластичных или термореактивных смол с целью придания малоусадочности. В их составе использовались поливиниловые спирты, полиэтилен, поливинил ацетат, карбамол, гликазин, метагин и прочее. Малосмываемые аппреты позволяли изменить усадку с 6 – 7 до 3,5%²¹.

В составе аппретов большей части выпускаемых текстильных материалов также входили вещества, приносящие бактерицидные, огнезащитные и многие другие свойства²².

Таким образом, базовые гидрофильные свойства исторических материалов из гидратцеллюлозных волокон в процессе выработки оказывались «защитными» в целом комплексе дополнительно привнесенных свойств, благодаря которым в той

или иной степени они приближались к натуральным целлюлозным материалам. Степень обратимости привнесенных свойств и возможность материала в процессе бытования вернуться и деградировать в контексте базовых, требует отдельного изучения у каждого конкретного образца исторической ткани.

Однозначно можно констатировать, что основные проблемы старения материалов из группы химических искусственных гидратцеллюлозных волокон, как и у натуральных, связаны с воздействием температуры и влаги. Исторические материалы этой группы, в отличие от химических синтетических, должны быть восприимчивы к ординарным реставрационным методам. Однако, низкие прочностные характеристики и особенности усадки материалов из гидратцеллюлозных волокон, даже снивелированные структурами и отделками, требуют иного подхода, сильно ограничивающего водные, термические и механические нагрузки. Комплекс предварительных реставрационных исследований требует дополнительных экспериментов, связанных с возможностью применения реставрационных адгезивов и составов для очистки.

Примечания

1. Глушкова Т. Н., Елкина А. К., Елкина И. И. Методика исследования археологического текстиля (опыт обобщения): научно-метод. пособие /отв. ред. Н. В. Полосьмак. Сургут : РИО СурГПУ, 2012. С. 8 – 9.

2. Масленников К. Н. Химические волокна. Словарь-справочник / Под ред. А. А. Конкина. М. : Химия, 1973. С. 74.

3. ГОСТ 56561-2015 Материалы текстильные. Определение состава. Идентификация волокон. Технические условия: Введен впервые: дата введения 31.08.2015 № 1242 СТ. М. : Стандартиформ, 2016. — 57 с.

4. Ермакова Н. В. Факторы, влияющие на сохранность музейных предметов из химических волокон // Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение. Art Heritage. Research. Storage. Conservation. 2025. №1 С. 7 – 21.

5. Там же.

6. Семенович Н. Н. Реставрация музейных тканей. Теория и технология. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 9.

7. Сафонов В. В., Третьякова А. Е., Пыркова М. В. Идентификация, строение и свойства волокон: Учеб. пособие. М. : ЛЕНАНД, 2021. С. 30.

8. Осовская И. И., Добош А. Ю. Гидрофильные свойства природных полимеров. Гидрофильные свойства растительных полимеров: учеб. пособие. СПб. : ВШТЭ СПбГУПТД, 2020. С. 7.

9. Матиссен П. П. Производство вискозного штапельного волокна. М.; Л. : ГИЗЛЕГПРОМ, 1949. С. 6.

10. Беленький Л. И., Росинская Ц. Я., Олтаржевская Н. Д. Крашение и печатание текстильных материалов из смесей природных и синтетических волокон. М. : Легпромбытиздат, 1987. — 208 с.

11. *Осовская И. И., Добош А. Ю.* Указ. соч. С. 61.
12. *Сафонов В. В., Третьякова А. Е., Пыркова М. В.* Указ. соч. С. 26.
13. *Масленников К. Н.* Указ. соч. С. 69.
14. *Матиссен П. П.* Указ. соч. С. 145.
15. *Масленников К. Н.* Указ. соч. С.96.
16. *Месяченко В. Т.* Синтетические ткани. М. : Экономика, 1965. С. 17.
17. *Склятников В. П.* Оптимизация строения и механических свойств текстильных волокон. М. : Легкая индустрия, 1974. С. 70.
18. Там же. С. 39.
19. *Беленький Л. И., Росинская Ц. Я., Олтаржевская Н. Д.* Указ. соч. С. 179.
20. *Склятников В. П.* Указ. соч. С. 58.
21. *Беленький Л. И., Росинская Ц. Я., Олтаржевская Н. Д.* Указ. соч. С. 179.
22. *Сафонов В. В., Третьякова А. Е., Пыркова М. В.* Указ. соч. С. 9.

1. *Glushkova T. N., Elkina A. K., Elkina I. I.* Metodika issledovaniya arxeologicheskogo tekstilya (opy`t obobshheniya): nauchno-metod. posobie /otv. red. N. V. Polos`mak. Surgut : RIO SurGPU, 2012. S. 8 – 9.

2. *Maslennikov K. N.* Ximicheskie volokna. Slovar` spravochnik / Pod red. A. A. Konkina. M. : Ximiya, 1973. S. 74.

3. GOST 56561-2015 Materialy` tekstil`ny`e. Opredelenie sostava. Identifikaciya volokon. Texnicheskie usloviya: Vveden v pervy`e: data vvedeniya 31.08.2015 № 1242 ST. M. : Standartinform, 2016. — 57 s.

4. *Ermakova N. V.* Faktory`, vliyayushhie na soxrannost` muzejny`x predmetov iz ximicheskix volokon // Xudozhestvennoe nasledie. Issledovanie. Restavraciya. Xranenie. 2025. №3 S. 7 – 21.

5. Там же.

6. *Semenovich N. N.* Restavraciya muzejny`x tkanej. Teoriya i texnologiya. L. : Izd-vo Gos. E`rmitazha, 1961. S. 9.

7. *Safonov V. V., Tret`yakova A. E., Py`rkova M. V.* Identifikaciya, stroenie i svojstva volokon: Ucheb. posobie. M. : LENAND, 2021. S. 30.

8. *Osovskaya I. I., Dobosh A. Yu.* Gidrofil`ny`e svojstva prirodny`x polimerov. Gidrofil`ny`e svojstva rastitel`ny`x polimerov: ucheb. posobie. SPb. : VShTE` SPbGUPTD, 2020. S. 7.

9. *Matissen P. P.* Proizvodstvo viskoznogo shtapel`nogo volokna. M.; L. : GIZLEGPROM, 1949. S. 6.

10. *Belen`kij L. I., Rosinskaya Cz. Ya., Oltarzhevskaya N. D.* Krashenie i pechatanie tekstil`ny`x materialov iz smesey prirodny`x i sinteticheskix volokon. M. : Legpromby`tizdat, 1987. — 208 s.

11. *Osovskaya I. I., Dobosh A. Yu.* Ukaz. soch. S. 61.
12. *Safonov V. V., Tret`yakova A. E., Py`rkova M. V.* Ukaz. soch. S. 26.
13. *Maslennikov K. N.* Ukaz. soch. S. 69.
14. *Matissen P. P.* Ukaz. soch. S. 145.
15. *Maslennikov K. N.* Ukaz. soch. S.96.
16. *Mesyachenko V. T.* Sinteticheskie tkani. M. : E`konomika, 1965. S. 17.
17. *Sklyannikov V. P.* Optimizaciya stroeniya i mexanicheskix svojstv tekstil`ny`x volokon. M. : Legkaya industriya, 1974. S. 70.
18. Tam zhe. S. 39.
19. *Belen`kij L. I., Rosinskaya Cz. Ya., Oltarzhevskaya N. D.* Ukaz. soch. S. 179.
20. *Sklyannikov V. P.* Ukaz. soch. S. 58.
21. *Belen`kij L. I., Rosinskaya Cz. Ya., Oltarzhevskaya N. D.* Ukaz. soch. S. 179.
22. *Safonov V. V., Tret`yakova A. E., Py`rkova M. V.* Ukaz. soch. S. 9.

Сведения об авторах

Смоленчук Елена Валериевна — художник-реставратор произведений из ткани 2 категории; ФГБНИУ «ГОСНИИР», младший научный сотрудник отдела научной реставрации произведений прикладного искусства
Российская Федерация, 107014, Москва, ул. Гастелло, д. 44, стр. 1
E-mail: Lensmol@yandex.ru

Хребтова Юлия Викторовна — ФГБНИУ «ГОСНИИР», заведующий отделом научной реставрации произведений прикладного искусства
Российская Федерация, 107014, Москва, ул. Гастелло, д. 44, стр. 1
E-mail: Julia_pgr@yahoo.com

Smolentchouk Elena — restorer of fabric works of the 2category; The State Research Institute for Restoration, junior researcher at the Department of Scientific Restoration of Works of Decorative and Applied Art
44-1, Gastello St., Moscow, 107014, Russian Federation
E-mail: Lensmol@yandex.ru

Khrebtova Julia — The State Research Institute for Restoration, head of the Department of Scientific Restoration of Works of Decorative and Applied Art
44-1, Gastello St., Moscow, 107014, Russian Federation
E-mail: Julia_pgr@yahoo.com

М. А. Шуравина

ЭТИКА РЕСТАВРАЦИИ: ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОГО

В пространстве научной реставрации наиболее «острым» вопросом до сих пор остается реставрационное вмешательство в предмет. За вековую историю в отечественной реставрации уже успели сформироваться несколько методологических школ, основные принципы и направления работ, однако теоретические стороны консервационно-реставрационных процедур остаются мало освещенными вследствие особого фокуса научных работ на описании прикладных методик. Данная статья — попытка определения главной задачи реставрации, границ и соотношения, казалось бы, с близкими терминами «поновление», «реконструкция», «консервация», «ремонт». Целью работы служит анализ проблемы «дозволенного» в реставрации. В статье рассматриваются основные документы и отечественные труды, посвященные вопросам терминологии консервационно-реставрационных работ и возможности оперативного вмешательства в предмет; указываются некоторые особенности сохранности объектов историко-культурного наследия, нуждающихся в сохранении. Особое внимание уделяется разграничению восприятия термина «реставрация» в общественных и научных кругах. Делается вывод о нескольких факторах его использования, ограничивающих действия по отношению к предмету: объект работ — памятник с подтвержденным историко-культурным значением; отсутствие определений при употреблении; признанная научным сообществом методика работ или (при разработке новой методики) использование материалов, соответствующих основным принципам реставрации; квалифицированный мастер-реставратор. В статье также подтверждается необходимость индивидуального рассмотрения каждого объекта реставрации и важность коллегиального принятия решений по сложным вопросам.

Ключевые слова: консервационно-реставрационные работы, историко-культурное наследие, артефакт, раскрытие памятника, археология, историзм, принципы реставрации.

M. A. Shuravina

ETHICS OF RESTORATION: THE LIMITS OF ALLOWED

In the field of scientific restoration, the most "acute" issue is still the issue of the intervention into the object. Over the course of more than a century, several methodological schools, basic principles and areas of work have already been formed in Russian restoration, but the theoretical aspects of conservation and restoration procedures remain poorly understood due to the special focus of scientific papers on the description of applied techniques. This work is an attempt to define the main task of restoration, the boundaries and the relationship between, as it may seem, similar terms such as "renovation", "reconstruction", "conservation", "repair". The purpose of this work is to analyze the problem of "what is allowed" in restoration. The article examines the main documents and domestic publications, devoted to the terminology of conservation and restoration and the possibility of the "surgical" intervention into the object; indicates some features of the preservation of objects of historical and cultural heritage that need treatment. Special attention is paid to the differentiation of the perception of the term "restoration" in public and scientific circles. It is concluded that there are several factors in the use of the term "restoration" that limit actions related to the object. Among them: the object of the treatment is an artifact with a confirmed historical and cultural significance; an absence of terms and definitions; a recognized by the scientific community methodology or (when developing a new methods) the use of materials corresponding to the basic principles of restoration, a qualified master restorer. The article also confirms the need for individual consideration of each restoration object and the importance of collegial decision-making on complex issues.

Keywords: conservation and restoration work, historical and cultural heritage, artifact, monument unveiling, archeology, historicism, principles of restoration.

Как правило, подавляющая часть исследований в области консервации и реставрации посвящена индивидуальным техникам работы с памятниками, их изучению, инструментам и музейному описанию. Философско-эстетической же стороне реставрации уделяют внимание в своих работах В. В. Зверев, В. И. Цитович¹, О. А. Постернак², В. Г. Белозерова³, Ю. Г. Бобров⁴ и другие исследователи реставрации. В большей мере разработка этих вопросов связана с деятельностью крупнейшего специализированного учреждения в области междисциплинарных методов исследования, консервационно-реставрационных работ и музейного хранения — Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГОСНИИР).

На данный момент существует несколько актов, регулирующих процессы консервационно-реставрационных работ на памятниках в России. Более 60 лет основополагающим остается Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия), своими положениями расширяющая один из разделов Афинской хартии 1931 года по реставрации исторических памятников⁵.

В этом международном документе, принятом в Венеции группой специалистов по сохранению культурного наследия, выделены основные принципы в сфере сохранения памятников истории. Для обозначения процесса работ в тексте упоминаются два понятия: «консервация» и «реставрация», а также термин «памятник», касающийся объекта консервационно-реставрационных работ. Что интересно, Венецианская хартия отмечает превалирующее положение консервации над реставрацией — последняя считается вынужденной, исключительной мерой, несмотря на то, что обе призваны «сохранить памятник как произведение искусства и как свидетеля истории». Консервация считается «мягкой», не требующей активного вмешательства в предмет, мерой, — она добивается сохранения памятника в настоящем состоянии, с дальнейшей возможностью его приспособления. Реставрация же сама по себе является дополнением, которого так стремятся избегать авторы Хартии, — ее границы заканчиваются там, где заканчиваются факты, а восстановления по эстетическим и техническим причинам субъективны и невозможны.

Принятые в отечественном законодательстве внутренние документы относительно поздние и не исчерпывающие⁶.

Объектом работ всегда становится памятник — сложный комплекс историко-культурного значения, заключенный в предмете или месте: это может быть «архитектурное произведение» либо городская или сельская среда любого уровня ценности⁷. По отношению к большинству артефактов существует необходимость подтверждения их ценности, представляющего собой прохождение вещью различных экспертиз. В таком случае сам процесс консервационно-реставрационных работ также становится исследованием для предмета — в процессе он наполняется внутренним содержанием, становясь в конце концов памятником⁸. Однако, в то же время, любое произведение искусства — это уже памятник истории и культуры⁹. Сам этот термин перешел в сферу реставрации из археологии, подтверждая тесные связи двух научных дисциплин — именно археология стала областью, в которой научная реставрация получила основное свое развитие.

Появившаяся в XIX веке, археология испытывала острую необходимость в восстановлении исторических артефактов. Так, археологическая реставрация получила, по сути, облик трех разных видов работ: «раскрытия археологической находки»,

реставрации и реконструкции, превратившись в один из методов археологического изучения ископаемых предметов¹⁰. В рамках симбиоза весь процесс реставрации стал глубинным, основанным на истории, изучении особенностей морфологии и технологии, значения предметов, — это те вопросы, которые исследует «наука, вооруженная лопатой»¹¹. Реконструкция в рамках реставрации становится обязательным идеальным условием — изначальным видом предмета, к которому стоит стремиться, а реставрация — фактически проведенным набором прикладных действий¹². Тесное взаимодействие двух понятий отмечает В. В. Зверев: по его мнению, реставрацией можно назвать копирование предмета с повторением использующихся мастером технологий¹³, то есть воссоздание авторского вида.

В большинстве работ, посвященных истории отечественной реставрации, отмечается, что она берет начало в XIII веке¹⁴, однако сами принципы работы, ее правила, сложились только в прошлом столетии. Всё потому, что основным «противником» реставрации среди понятий раннего периода стал термин «поновление», долгое время заменяющий ее.

Исследователи видят в идее ремонта вещей, их повторного использования, исправления, коими и является поновление, попытку сохранить, восстановить предмет, передать знания преемнику-ученику — и потому вписывают этот период в историю реставрации¹⁵. С начала же XX века поновлением называют некачественную, вызывающую подозрения и вопросы, реставрацию. Научная реставрация памятников искусства, требующая более глубоких знаний, начала зарождаться лишь в XIX веке¹⁶.

Популярность термина «реставрация» вкупе с незнанием ее особенностей и возможного существования поновления привели к безответственному употреблению слова в общественных кругах — оно приобретает несколько значений в не связанных друг с другом сферах. Это приводит к тому, что в 1911 году на Втором Всероссийском съезде русских художников по вопросам учреждения основ научной реставрации принимается решение об отказе от слова «реставрация» и замене его на «поддержание»¹⁷. Альтернативным вариантом становится предложенный архитектором-реставратором П. П. Покрышкиным «ремонт»¹⁸. Долгое время исследователи старались не называть процесс работ реставрацией — это стало ассоциироваться с излишним и чрезмерным восстановлением, для которого не было оснований. Продолжалась такая ситуация до 1920-х годов и деятельности И. Э. Грабаря, основателя первой, московской школы реставрации в лице Всероссийской комиссии по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи, с иконописно-реставрационной мастерской. Игорь Эммануилович не предлагал новых терминов, он нашел другой синоним «реставрации», позволяющий понять этот процесс абсолютно иначе. В своих работах Грабарь предлагает близкие понятия: «раскрытие» и «ремонт»¹⁹ — с этих пор становится лучше оставить утраты фрески незакрашенными, чем дорисовать их, не имея на это никаких шаблонов.

Деятельность И. Э. Грабаря и стала своеобразным установлением границ между понятиями:

- реставрация — «раскрытие» предмета;
- консервация — сохранение его в настоящем на данный момент состоянии;

- поновление — некачественная реставрация;
- реконструкция — научное воссоздание.

В 1980-е годы появляется новое выражение-термин в сфере реставрации — превентивная консервация. Термин приобретает популярность в Европе и отличается от ранее известных предупредительным, предотвращающим характером действий по сохранению предмета в неизменном виде. Зачастую наиболее доступным вариантом подобного является создание микроклимата для экспоната в виде специальной индивидуальной упаковки²⁰, никаких активных же действий по отношению к артефакту не выполняется. Главным преимуществом этого подхода до сих пор остается отсутствие непосредственного контакта реставратора с предметом. Стоит отметить, что работы по изучению превентивной консервации в России, главным образом, носят экспериментальный характер.

В настоящее время «реставрация» довольно часто используется общественностью в других сферах и чаще подразумевает собой ремонт — возвращение предмету функциональности (реставрация ванн, зубов, волос, мебели, кожаных вещей). Объектом работ в таком случае становится не памятник, а определенная в рамках той или иной сферы группа предметов или предмет, вещество, вещь и т. д. Исследователи, работающие с памятниками, представляя свою работу, практически всегда добавляют слово «научная», либо «музейная» — особенно это актуально во «внешних» выступлениях, подразумевающих присутствие людей не из сферы. Внутри же сообщества такое дополнение не имеет необходимости и нужно только для разграничения понятий, отделения ее от «коммерческой / бытовой реставрации», так часто встречающихся в современности.

Появление «новых» видов реставрации объясняется синтетическим характером русского языка — значительная часть из существующих рядом с этим термином определений (антикварная, бытовая, историческая, коммерческая, лабораторная, оперативная, полевая, превентивная, техническая, художественная, церковная) условны и по сути в сочетании со вторым словом взаимоисключают друг друга²¹. Объясним на примере определений «бытовая» и «коммерческая реставрация» — наиболее устойчивых среди указанных словосочетаний. Если с 1920-х годов прошлого столетия консервационно-реставрационным работам вновь вернули глубинный смысл, отметив в качестве важнейших принципов научность, минимальное вмешательство, аккуратный отбор инструментов, максимально щадящие материалы и квалифицированность мастера-реставратора, а также «раскрытие» памятника, окажется, что реставрация сама по себе не может быть бытовой и коммерческой. Ни в том, ни в другом случае объектом работ не выступает памятник — более того, он им и не становится в процессе, потому что изучения артефакта не происходит. Основная цель бытовой реставрации — возвращение функциональности предмету домашнего обихода, часто выполняемое вручную самим владельцем вещи; а коммерческой — получение материальной выгоды за счет придания вещи товарного вида. Оба процесса имеют больше общего с ремонтом, а второй еще и может включать в себя поновление в попытках «излишнего» приведения объекта работ в новый вид.

В общем и целом, приведение терминологического базиса консервационно-реставрационных работ в России в порядок — проблема не одного десятилетия. Возвращение к старым терминам, появление новых, полемика вокруг понятий

объясняется историей отечественной реставрации — образовавшись в рамках исторической науки, она очень быстро перешла в междисциплинарное поле. Близкое соседство к другим дисциплинам привело к трансформации понятий и подходов. Стоит отметить, что проблема терминологии этой сферы практически не касается англоговорящих стран: «в аналитическом английском языке русскому "реставрация" соответствуют два термина, "restoration" и "conservation". Первый обозначает вмешательства, не попадающие под определение реставрации в ее сегодняшнем понимании, т. е. относится к истории реставрации. Второй подразумевает то, что по-русски мы обычно называем научной реставрацией...»²². Оба термина оказались избыточными и достаточно самостоятельными. Использование же по примеру иностранных коллег определений «превентивная» и «оперативная», поддержанное некоторыми отечественными исследователями²³, кажется автору бессмысленным — на данный момент реставрация в России чаще носит оперативный характер.

Чтобы определить границы «дозволенного» в исследуемой области, необходимо детальнее рассмотреть объект консервационно-реставрационных процедур — артефакт, попавший в руки к реставратору. Как определено выше, научная реставрация подразумевает работу с памятниками — это уже своего рода ценностная оценка объекта работ, потому что он в этой связи воспринимается как источник и хранитель исторической информации, это «сохранившийся предмет культуры прошлого»²⁴, «остаток материальной культуры далекого прошлого»²⁵.

Со сторонней точки зрения можно заметить, что любая вещь так или иначе является свидетелем своей эпохи. Точнее будет сказать, что у любого предмета материальной культуры есть возможность стать памятником, однако получение или неполучение этого статуса зависит от множества причин, связанных с его исследованием. Новый статус в этом смысле становится синонимом «объекта культурного наследия» и может быть как движимым (музейные предметы, археологические артефакты и др.), так и не движимым (объекты архитектуры, археологические стоянки, городища, курганные насыпи и т. д.). Категория движимых памятников в основном связана с музейной деятельностью — и потому поступления, представляющие историко-культурную ценность, представлены в государственном музейном фонде, подтверждающем их особый статус. Обычно до поступления в музей такие предметы проходят визуальные исследования в рамках археологического изучения.

Первым же, кто определяет ценность артефакта, зачастую становится музейный сотрудник. В процессе рассмотрения того или иного предмета или коллекции им проводится повторное визуальное обследование, которое становится основой инвентарной карточки — своеобразного паспорта будущего музейного предмета. В пакете документов, собираемых сотрудником, должна быть информация о размерах, материале, техниках и времени изготовления, его авторе, имеющейся истории бытования — легенде музейного предмета, истории нахождения и условиях передачи (от кого, на каких основаниях)²⁶. В это же время артефакт впервые показывается реставратору — для оценки степени его сохранности. На экспертной фондово-закупочной комиссии коллегиально решается судьба новых поступлений — их прием и дальнейшее распределение в научно-вспомогательный, основной и другие фонды, определенные внутримuseumными документами, топография в хранилище²⁷.

Памятники архитектуры и монументального искусства переживают тот же самый процесс изучения, сбора данных и формирования пакета документов, до вступления в статус объектов культурного наследия, у них также есть деление

по уровням ценности — объекты муниципального, регионального, федерального значения²⁸. Уполномоченным органом по обеспечению контроля сохранности и мер по их охране являются региональные отделения по государственной охране объектов культурного наследия, напрямую подчиняющиеся Министерству культуры РФ²⁹. Решения по судьбе того или иного памятника принимаются общественными, экспертными, консультативными советами, открытыми при этих региональных отделениях. С момента постановки объекта на учет его дальнейшая судьба не подконтрольна случайным ремонтам.

Как правило, разные категории вещей имеют разную ценность: так же, как в археологии есть понятие «массового материала» по отношению к железным гвоздям и черепкам керамики, так и среди этнографического материала или предметов периода новой истории есть вещи, встречающиеся чаще при относительной неизменчивости используемых форм и технологий. В этом случае частотность материала влияет на его представление в фондах, ведь зачастую массовые категории вещей становятся интересны музеям ввиду второстепенных признаков, а не прямого их функционального значения. Это может быть принадлежность к какой-либо исторической личности (мемориальные предметы, личный фонд), связь с той или иной локацией, отличительные орнаменты, родовые знаки – тамги / пусы, и даже загрязнение (следы крови, указывающие на ритуальный характер посуды, воск на церковной утвари)³⁰. Все указанные условия становятся важной частью исторической информации, «записанной» на артефакте, а потому должны сохраняться. Та же самая ситуация наблюдается в области памятников археологии или монументального искусства — для каждого объекта культурного наследия определяются границы, формирующие исторический ландшафт — подобие «паспарту», подлежащего такой же неприкосновенности и охране, как и сам объект.

В целом, понятие «памятник» можно считать синонимом «объекта культурного наследия». Оба термина фактически отделяют рядовые предметы, которые могут стать «ценными», от тех, чья ценность уже доказана. Как установлено, при изучении такие объекты рассматриваются комплексно — со всеми технологическими и морфологическими особенностями, имеющейся легендой и состоянием сохранности. Исследование памятников подразумевает обладание ими несколькими слоями «записанной» на них информации. Рассмотрение сохранности немаловажно, потому что, как правило, включает технологические, ритуальные или религиозные стороны его истории. Так, например, известно, что в некоторых археологических культурах учеными наблюдается обряд «умерщвления» предметов при захоронении, то есть намеренной поломке инструментов, связанной, по-видимому, с представлениями о душе и загробной жизни наших предков³¹. На двух деталях основы деревянных ножен с помощью микроскопа можно рассмотреть следы стягивания нитями — это позволяет реконструировать порядок сбора основы древними мастерами³². Устойчивые коррозионные образования на цветном металле, так называемая «патина времени», сохраняются при реставрации, так как подтверждают исторический, древний характер вещи³³. В японской реставрации «кинцуги» сколы предметов принято не тонировать под цвет черепка, делая разрушение незаметным для обывателя, но, наоборот, выделять с помощью специальной массы, сохраняя «историю жизни» самого предмета³⁴. А проеды на валяной шерстяной шляпе, локализованные в одном месте — на сгибе — свидетельствуют о частых контактах вещи с физиологическими выделениями и особой хрупкости в этом месте ввиду постоянного механического воздействия вследствие регулярного использования.

Таким образом, памятник — сложное, многоуровневое понятие, которое включает в себя не только физический образ предмета, но и смыслы, и истории, заложенные в нем.

Столь высокая ценность объекта реставрации регулируется принципами историзма (предполагает всестороннее научное изучение истории памятника), минимального воздействия на исторический материал произведения с максимальным сохранением, обоснованности и определения любого реставрационного действия, недопустимость вольных дополнений и максимальное использование обратимых материалов³⁵. Как видим, каждый этап реставрационных работ, начиная от визуального обследования и лабораторных исследований, до собственно самих процедур по консервации и реставрации, а также последующих оформления документации и мониторинга состояния предмета в хранении, вводит определенные ограничения.

В целом, при попытке обозначить границы возможного реставрационного вмешательства в памятник, выделяются несколько принципов, заложенных в Хартии и характеризующих его научность. Сама реставрация рассматривается в мировой практике как исключительная мера, но в отечественной — почти единственная, за исключением консервации, возможность сохранить предмет. На поздних этапах работ, подразумевающих проведение более «творческих» операций, реставратору особенно важно сохранить профессиональный взгляд: не пытаться «додумать» за автора изделия и не стараться чинить предмет, восстанавливая его полностью. Стоит помнить, что перед ним настоящий памятник истории, в большей мере ценящийся за его историчность. Значит, сколы и царапины, чаще всего (при условии, что они не ведут к дальнейшим разрушениям), можно не мастиковать, механическая и химическая чистка должна оставлять «патину времени» — тонкие окисные пленки на поверхности предмета, а восполнения необходимы только в случае технического укрепления памятника. При работе с тонировками и дублированием важно сохранять небольшую разницу с оригинальной поверхностью, делая вмешательство незаметным для посетителей музеев, но отличимым для профессионалов или при близком рассмотрении.

При наличии в процессе работ сложных вопросов и сомнений созывается реставрационный совет, который коллегиально принимает решение по ограничению вмешательства или, наоборот, осуществления дополнительных операций.

Стоит помнить, что каждый памятник необходимо рассматривать как самостоятельный организм, требующий индивидуального реставрационного решения³⁶. В конце концов, выбор методов и конечный результат реставрации, независимо от методологической школы и времени проведения, должны учитывать ее основную цель — «раскрытие» памятника, заключающееся в физическом и смысловом поле артефакта.

Примечания

1. *Цитович В. И.* «Подлинность памятника» и «патина времени» в реставрационной деятельности // Материальная база сферы культуры. Науч.-информ. сб. М. : Изд-во РГБ, 1998. С. 28.

2. *Постернак О. А.* Массовая культура и эстетика реставрации // Материальная база сферы культуры. Чтения памяти Л. А. Лелекова. 1998. Науч.-информ. сб. М. : Изд-во РГБ, 1998. С. 50.
3. *Белозерова В. Г.* О понятиях подлинности и историчности памятников искусства // Материальная база сферы культуры. Науч.-информ. сб. М. : Изд-во РГБ, 1998. С. 3.
4. *Бобров Ю. Г.* Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М. : Эдсмит, 2004. С. 10.
5. *Спиридонова Ю. В.* Генезис международной охраны культурного наследия в 1930-е гг. // Философская мысль. 2012. №3. С. 184.
6. Закон Российской Федерации от 25.06.2002 №73 (ред. от 26.12.2024) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и допол., вступ. в силу с 13.01.2025 г.) // Официальный сайт Агентства по государственной охране объектов культурного наследия Удмуртской Республики. — URL: <https://aokn.udmurt.ru/upload/iblock/e2a/4vvvgqpgj4j1gzb5jsbxtctexnj8to1l.pdf> (дата обращения: 01.05.2025).
7. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия). Венеция, 31 мая 1964 г. // «Дзурдзукки». Историко-географическое общество Ингушетии. — URL: <https://dzurdzuki.com/download/mezhdunarodnaya-hartiya-po-konservaczii-i-restavraczii-pamyatnikov-i-dostoprimechatelnyh-mest-veneczijskaya-hartiya-venecziya-31-maya-1964-g/> (дата обращения: 01.05.2025).
8. *Зверев В. В.* О понятии «Научная реставрация» // Исторические исследования. 2019. №13. С. 139.
9. *Яхонт О. В.* О реставрации и атрибуции. М. : Сканрус, 2007. С. 13.
10. *Зверев В. В.* Указ. соч. С. 134.
11. *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л. : ЛГУ, 1978. — 148 с.
12. *Засыпкин Б. Н.* Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. Архитектурно-археологические методы исследования // Вопросы реставрации. М. : ЦГРМ, 1928. С. 210.
13. *Зверев В. В.* Указ. соч. С. 133.
14. *Копылова Е. В.* Научная реставрация как системообразующая основа развития образования в области реставрационной деятельности // Ценности и смыслы. 2014. № 2 (30). С. 168.
15. *Кедринский А. А.* Основы реставрации памятников архитектуры: обобщение опыта школы ленинградских реставраторов. М. : Изобразительное искусство, 1999. С. 26.
16. *Копылова Е. В.* Указ. соч. С. 169.
17. *Зверев В. В.* Указ. соч. С. 139 – 140.

18. *Никитина А. А.* Административная работа П. П. Покрышкина в Петроградском отделении Всероссийской коллегии по делам музеев в 1918 – 1919 гг. // Клио. 2024. №09 (213). С. 213.
19. *Грабарь И.* О древнерусском искусстве. М. : Наука, 1966. С. 277.
20. *Оганесова Ю. Ю.* Превентивная консервация музейных коллекций и ее роль в сохранении объектов культурного наследия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. №131. С. 365.
21. *Шлыкова Т. В.* «Бытовая» и «коммерческая» реставрация: к вопросу о правомерности терминов // Вестник Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2021. №3. С. 77.
22. Там же.
23. Там же. С. 79.
24. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М. : Полиграфресурсы, 1999 (электронная версия) // Фундаментальная электронная библиотека. — URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Ffeb-web.ru%2Ffeb%2Fushakov%2Fush-abc%2Fdefault.asp&utf=1> (дата обращения: 01.05.2025).
25. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. Энцикл.»; ОГИЗ, 1940 (электронная версия) // Фундаментальная электронная библиотека. — URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fushakovdictionary.ru%2F%3Fysclid%3Dmkw87re2f6898824138&utf=1> (дата обращения: 01.05.2025).
26. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР. М. : Тип. Мин-ва культуры СССР, 1984. С. 34.
27. «Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» от 23.07.2020 №827 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/542672925> (дата обращения: 01.05.2025).
28. *Кобзева Е. В.* Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания — новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти // Человек: преступление и наказание. 2014. №2 (85). С. 119.
29. Агентство по государственной охране объектов культурного наследия Удмуртской Республики: [сайт]. Ижевск, 2025 – . — URL: <https://aokn.udmurt.ru/ob-agentstve/polnomochiya-zadachi-i-funktsii/> (дата обращения: 01.05.2025).
30. *Буршнева С. Г.* Реставрация музейного металла. Основы материаловедения и общая методология: учебно-метод. пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2022. С. 31.
31. *Чшиев В. Т.* Обряд «умерщвления» предметов погребального инвентаря в материалах Адайдонского некрополя // Вестник Владикавказского научного центра. 2019. №2. С. 17.
32. *Михайлова М. А.* Предреставрационные исследования ножен с Варнинского могильника // Археология в исследованиях молодых. Сб. VII науч. конф., приуроченной к «Году педагога и наставника». Липецк (в печати).

33. Федосеева Т. С. и др. Реставрационные материалы. Курс лекций / Т. С. Федосеева, О. Н. Беляевская, В. И. Гордюшина, Е. Л. Малачевская, С. А. Писарева. М. : Индрик, 2016. С. 119.
34. *Сугимори Итоку*. Японские патины / пер. с англ. Омск: Дедал-Пресс, 2008. С. 12.
35. *Оганесова Ю. Ю.* Указ. соч. С. 365.
36. *Кимеева Т. И., Окунева И. В.* Основы консервации и реставрации археологических и этнографических музейных предметов. Кемерово : КемГУКИ, 2009. С. 14.
1. *Citovich V. I.* «Podlinnost' pamyatnika» i «patina vremeni» v restavracionnoj deyatel'nosti // Material'naya baza sfery` kul'tury`. Nauch.-inform. sb. M. : Izd-vo RGB, 1998. S. 28.
2. *Posternak O. A.* Massovaya kul'tura i e`stetika restavracii // Material'naya baza sfery` kul'tury`. Chteniya pamyati L. A. Lelekova. 1998. Nauch.-inform. sb. M. : Izd-vo RGB, 1998. S. 50.
3. *Belozerova V. G.* O ponyatiyax podlinnosti i istorichnosti pamyatnikov iskusstva // Material'naya baza sfery` kul'tury`. Nauch.-inform. sb. M. : Izd-vo RGB, 1998. S. 3.
4. *Bobrov Yu. G.* Teoriya restavracii pamyatnikov iskusstva: zakonomernosti i protivorechiya. M. : E`dsmit, 2004. S. 10.
5. *Spiridonova Yu. V.* Genezis mezhdunarodnoj oxrany` kul'turnogo naslediya v 1930-e gg. // Filosofskaya my`s'l`. 2012. №3. S. 184.
6. Zakon Rossijskoj Federacii ot 25.06.2002 №73 (red. ot 26.12.2024) «Ob ob`ektax kul'turnogo naslediya (pamyatnikax istorii i kul'tury`) narodov Rossijskoj Federacii» (s izm. i dopol., vstup. v silu s 13.01.2025 g.) // Oficial'nyj sajt Agentstva po gosudarstvennoj oxrane ob`ektov kul'turnogo naslediya Udmurtskoj Respubliki. — URL: <https://aokn.udmurt.ru/upload/iblock/e2a/4vvvgqpgj4j1gzb5jsbxtctexnj8to1l.pdf> (data obrashheniya: 01.05.2025).
7. Mezhdunarodnaya xartiya po konservacii i restavracii pamyatnikov i dostoprimechatel'ny`x mest (Venecianskaya xartiya). Veneciya, 31 maya 1964 g. // «Dzurdzuki». Istoriko-geograficheskoe obshhestvo Ingushetii. — URL: <https://dzurdzuki.com/download/mezhdunarodnaya-hartiya-po-konservaczii-i-restavraczii-pamyatnikov-i-dostoprimechatelnyh-mest-venecziyana-31-maya-1964-g/> (data obrashheniya: 01.05.2025).
8. *Zverev V. V.* O ponyatii «Nauchnaya restavraciya» // Istoricheskie issledovaniya. 2019. №13. S. 139.
9. *Yaxont O. V.* O restavracii i atribucii. M. : Skanrus, 2007. S. 13.
10. *Zverev V. V.* Ukaz. soch. S. 134.
11. *Klejn L. S.* Arxeologicheskie istochniki. L. : LGU, 1978. — 148 s.
12. *Zasy`pkin B. N.* Arxitekturny`e pamyatniki Srednej Azii. Problemy` issledovaniya i restavracii. Arxitekturno-arxeologicheskie metody` issledovaniya // Voprosy` restavracii. M. : CzGRM, 1928. S. 210.

13. Zverev V. V. Ukaz. soch. S. 133.
14. Kopylova E. V. Nauchnaya restavraciya kak sistemoobrazuyushhaya osnova razvitiya obrazovaniya v oblasti restavracionnoj deyatel'nosti // Cennosti i smysly'. 2014. № 2 (30). S. 168.
15. Kedrinskij A. A. Osnovy` restavratsii pamyatnikov arxitektury`: obobshhenie opy`ta shkoly` leningradskix restavradorov. M. : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1999. S. 26.
16. Kopylova E. V. Ukaz. soch. S. 169.
17. Zverev V. V. Ukaz. soch. S. 139 – 140.
18. Nikitina A. A. Administrativnaya rabota P. P. Pokryshkina v Petrogradskom otdelenii Vserossijskoj kollegii po delam muzeev v 1918 – 1919 gg. // Klio. 2024. №09 (213). S. 213.
19. Grabar` I. O drevnerusskom iskusstve. M. : Nauka, 1966. S. 277.
20. Oganosova Yu. Yu. Preventivnaya konservaciya muzejny`x kollekcij i ee rol` v soxranenii ob`ektov kul'turnogo naslediya // Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena. 2011. №131. S. 365.
21. Shlykova T. V. «Bytovaya» i «kommercheskaya» restavraciya: k voprosu o pravomernosti terminov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. in-ta kul'tury`. 2021. №3. S. 77.
22. Tam zhe.
23. Tam zhe. S. 79.
24. Slovar` russkogo yazy`ka: v 4-x t. / Pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd. M. : Poligrafresursy`, 1999 (e`lektronnaya versiya) // Fundamental'naya e`lektronnaya biblioteka. — URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Ffeb-web.ru%2Ffeb%2Fushakov%2Fush-abc%2Fdefault.asp&utf=1> (data obrashheniya: 01.05.2025).
25. Tolkovyj slovar` russkogo yazy`ka / pod red. D. N. Ushakova. M. : Gos. in-t «Sov. E`ncikl.»; OGIz, 1940 (e`lektronnaya versiya) // Fundamental'naya e`lektronnaya biblioteka. — URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fushakovdictionary.ru%2F%3Fysclid%3Dmkw87re2f6898824138&utf=1> (data obrashheniya: 01.05.2025).
26. Instrukciya po uchetu i xraneniyu muzejny`x cennostej, naxodyashhixsya v gosudarstvenny`x muzeyax SSSR. M. : Tip. Min-va kul'tury` SSSR, 1984. S. 34.
27. «Ediny`e pravila organizacii komplektovaniya, ucheta, xraneniya i ispol'zovaniya muzejny`x predmetov i muzejny`x kollekcij» ot 23.07.2020 №827 // E`lektronnyj fond pravovy`x i normativno-texnicheskix dokumentov. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/542672925> (data obrashheniya: 01.05.2025).
28. Kobzeva E. V. Nezakonny`e poisk i (ili) iz`yatie arxeologicheskix predmetov iz mest zaleganiya — novoe prestupnoe posyagatel'stvo na нравstvenny`e osnovy` kul'turnoj pamyati // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2014. №2 (85). S. 119.
29. Agentstvo po gosudarstvennoj oxrane ob`ektov kul'turnogo naslediya Udmurtskoj Respubliki: [sajt]. Izhevsk, 2025 – . — URL: <https://aokn.udmurt.ru/ob-agentstve/polnomochiya-zadachi-i-funktsii/> (data obrashheniya: 01.05.2025).

30. *Burshneva S. G.* Restavraciya muzejnogo metalla. Osnovy` materialovedeniya i obshhaya metodologiya: uchebno-metod. posobie. Kazan` : Izd-vo Kazan. un-ta, 2022. S. 31.
31. *Chshiev V. T.* Obryad «umershhvleniya» predmetov pogrebal`nogo inventarya v materialax Adajdonskogo nekropolya // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra. 2019. N°2. S. 17.
32. *Mixajlova M. A.* Predrestavracionny`e issledovaniya nozhen s Varninskogo mogil`nika // Arxeologiya v issledovaniyax molody`x. Sb. VII nauch. konf., priurochennoj k «Godu pedagoga i nastavnika». Lipeczk (v pechaty).
33. *Fedoseeva T. S. i dr.* Restavracionny`e materialy`. Kurs lekcij / T. S. Fedoseeva, O. N. Belyaevskaya, V. I. Gordyushina, E. L. Malachevskaya, S. A. Pisareva. M. : Indrik, 2016. S. 119.
34. *Cugimori Itoku.* Yaponskie patiny` / per. s angl. Omsk: Dedal-Press, 2008. S. 12.
35. *Oganesova Yu. Yu.* Ukaz. soch. S. 365.
36. *Kimeeva T. I., Okuneva I. V.* Osnovy` konservacii i restavracii arxeologicheskix i e`tnograficheskix muzejny`x predmetov. Kemerovo : KemGUKI, 2009. S. 14.

Сведения об авторе

Шуравина Марина Алексеевна — Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, ведущий специалист отдела исторических исследований Института истории, языка и литературы
Российская Федерация, 426067, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. Татьяны Барамзиной, д. 34
E-mail: mixmar97@mail.ru

Shuravina Marina A. — Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, leading specialist of the Department of Historical Research at the Institute of History, Language, and Literature
34, Tatyana Baramzina St., Izhevsk, Udmurt Republic, 426067, Russian Federation
E-mail: mixmar97@mail.ru

Научное издание

**Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение.
Art Heritage. Research. Storage. Conservation.**

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-82901

от 14.03.2022 г.

ISSN 2782-5027

Подписано в печать 31.03.2026 г.

Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«Государственный научно-исследовательский институт реставрации»
107014, г. Москва, ул. Гастелло, д. 44, стр. 1
e-mail: journal@gosniir.ru
Сайт: <http://www.journal-gosniir.ru/>